



АКТРИСА ИРИНА ПЕЧЕРНИКОВА — ГЕРОИНЯ «ЗОЛОТОГО» ФИЛЬМА
VI МОСКОВСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КИНОФЕСТИВАЛЯ

№ 19 ОКТЯБРЬ 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА



Академик Петр Леонидович Капица.

Евгений ДОБРОВОЛЬСКИЙ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

РЕПОРТАЖ

С ПЕРЕДНЕГО

КРАЯ

НАУКИ

О

БЫКНОВЕННЫЕ

Раз в две недели в Институте физических проблем бывают научные семинары. В честь директора института академика Петра Леонидовича Капицы их называют «капищинками». Название вполне неожиданное и странное.

Для человека, непосвященного и далекого от физики, рассказ про эти семинары надо начать издалека, по крайней мере с Петербурга и Лондона, где учился будущий академик.

Дождливой осенью 1912 года ученик Кронштадтского реального училища был официально зачислен в число студентов электромеханического факультета Санкт-Петербургского политехнического института имени Петра Великого.

Надо сказать, что Петербургский политехнический, не в пример другим высшим учебным заведениям царской России, находился на особом положении: он подчинялся Министерству финансов, а оно было богатым и либеральным в отличие от Министерства просвещения, которое было бедным и реакционным.

К тому же в отличие от других технических институтов политехнический был задуман не как высшая техническая школа, а как технический университет. Основатель института министр финансов Витте, лувачий царедворец и Большой дипломат, пользуясь своим влиянием, пригласил в институт многих опытных профессоров, известных не только в академических, но и в полицейских кругах.

Тогда же на кафедру физики только что созданного института был приглашен доктор физики Иоффе, первый научный наставник Капицы. Инженер по образованию, Иоффе считал физику основой техники, стараясь привлечь будущих инженеров к научной работе и организовал в институте свой семинар.

Очевидцы рассказывают, что «капищинки» походили на семинары Иоффе. И сходство здесь не





На «капшичках» в неофициальной обстановке обсуждаются новые научные идеи. Каждое сообщение вызывает жгучий интерес участников.

КАПШНИКИ



Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ.

Основан в январе 1922 года
Выходит два раза в месяц

№ 19 (1017)
ОКТАБРЬ
1969

На ша обложка: молодая актри-
са театра и кино, участнице VI Меж-
дународного кинофестиваля в Москве
Ирина Печерникова.

Материал о ней и интервью с гостями
кинофорума читайте на стр. 14-25.



6

«КАК СПАСАЛИ МОР-
СКИХ ПИЛОТОВ». Репор-
таж о работе аварийно-
спасательного подразде-
ления морской авиации.



8

ГЕРМАНСКОЙ ДЕМО-
КРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБ-
ЛИКЕ—20 ЛЕТ. «Мир мо-
лодости в работах фото-
мастеров» и стихи поэтов
ГДР.



16

«КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМ-
ЛИ». Фотоочерк Всеволо-
да АРСЕНЬЕВА о Соло-
вецких островах.



29

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПОД
НЮРНБЕРГОМ». Полити-
ческий детектив прозаика
из ГДР Вернера ШТАЙН-
БЕРГА.



В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«МОГУЩЕСТВО РОССИЙСКОЕ ПРИРАСТАТЬ СТА-
НЕТ СИБИРЬЮ...» — так предсказывал великий уче-
ный Михаил ЛОМОНОСОВ будущее огромного
края, который простирается за Уральским хребтом.
СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР ЖУРНАЛА МЫ ЦЕЛИ-
КОМ ПОСВЯЩАЕМ МОЛОДЫМ СТРОИТЕЛЯМ СИ-
БИРИ.

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДИОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замоскин,
Р. Ф. Назанова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [отвеч-
ственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора],
Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. В. Стуков [главный
художник]

Художник О. Теслер

Технический редактор Г. Степанова

СМЕНА



На «капшнике» выступает молодой научный сотрудник Института истории естествознания и техники Зинаида Мухоморова и известный физик, академик Георгий Николаевич Озёрин из Объединенного института ядерных исследований в Дубне.



Идеи, прозвучавшие только что в зале, продолжают волновать. Их обсуждают в гостинице института, по дороге домой, за стаканом чая в кабинете хозяина. У автора книги об ученых и науке Давидом Давидом много вопросов к академику Капице.



внешнее, оно не на поверхности. Тут следует искать родство по духу.

Семинар Иоффе собирался всегда по четвергам, начиная рано в семь, кончили в одиннадцать, так, чтобы успеть на последний трамвай, но знаменитый, прославленный во всех студенческих психях «двадцать первый номер» от Политехнического до центра города.

Участники семинара: Капица, Луизинский, Семов, Френкель, Дорфман, тогда еще не академики, но профессора, а просто студенты и младшие преподаватели, обсуждали все самое интересное, что появлялось в физике.

— Я прожил довольно долгую жизнь, но не встречал таких семинаров, — рассказывал Яков Григорьевич Дорфман. — У Абрама Федоровича Иоффе был удивительный дар преподавателя. Он был великим докладчиком, и этот демократизм определял лицо его семинаров. Я был желторотым студентом, а он профессором, другим участники семинара — или преподавателями, солидными доцентами, или по крайней мере дилемниками, но з никогда не чувствовал и не мог чувствовать своей желторотости. Ко мне относился как к равному. Я был равноправным участником игры.

Семинары Иоффе действовали во время революции и гражданской войны. Сейчас это кажется почти неправдоподобным. Аудитории Политехнического не отапливались. Чаще всего профессора читали лекции у себя в дому. По вечерам все собиралось вообще отменится: не было света. Трамвай не ходил. Профессора копали индивидуальные огороды и с академической точностью составляли графики: кому когда ходить дорозом, стрелы, картофелем, помидоры. Но регулярно по четвергам с семи до одиннадцати собирался «иоффеинские семинаристы» в уютном, просторном помещении Петрограда обсуждали научные проблемы и новости. Тем более, новостей было много.

23 сентября 1918 года в красном Петрограде участниками семинара был создан новый научно-исследовательский институт. Сам факт организации научного института в восемнадцатом году кажется событием фантастическим. Но институт был создан не только формально. Ученые института должны были заниматься изучением рентгеновских лучей и радия.

Для ученого страшно не знать, чем занимается его коллега. Ученый должен знать, чувствовать уровень своей работы хотя бы затем, чтобы не повторять пройденное. Для этого и существуют научные журналы, конференции и семинары, также, как семинар Иоффе и «капицинский», предмет которых может быть слишком длинна, но достаточно драматична.

Когда в 1961 году в Институте физических проблем в Яоскее на Воробьевском шоссе встретили Нильса Бора, директор института Петр Леонидович Капица сказал в том самом зале Ученого совета, где происходил «капицинский».

— Хочу обратить внимание наших молодых физиков, что надо выбирать себе «хозяина» в науке. Нильса Бора привели к Резерфорду, те же импульсы, что затем привели и меня. В Резерфорде было что-то непреодолимо притягательное, как в Шаллине. Кто хоть раз слышал Шаллина, тот стремился вновь и вновь услышать его; всякий, кому постчалоилось говорить с Резерфордом, искал новых встреч с ним.

В 1921 году Капица был послан в Кембридж. Он выбрал себе «хозяина» в науке.

Основоположник современного учения о радиоактивности и строении атома, лорд Резерфорд любил решительных людей, ценил остроумие, хотя бы до неприличия громко и к тому же никогда не стеснялся в выражениях.

Капица был любимцем Резерфорда. Учитель и ученик оказались родственными душами. Резерфорд не мог не заметить талантливого коллегу, не мог не заметить в другом человека черты своего характера. Резерфорду нравилось, что его ученик — фантазер и спорщик.

Известно, что Резерфорду мог развивать самые неожиданные идеи. Однажды на каком-то научном семинаре Резерфорда начал высказывать вдруг, а что бы произошло, если бы Тунгусский метеорит упал не в сибирской тайге, а в лондонском Сити. Как это повлияло бы на финансовую мощь королевства? И под какой широтой паралич бы распространился? И вообще, что и как говорили бы в правительстве?

Есть мнение в одинаковой степени распространенное и известное, что ученые решают научные задачи, читают небольшие книги, относятся раскованно, сухостью характера, эмоция держат

в себе и непонятно, как так великий Резерфорд позволял на своих научных семинарах такие светские волности.

Хорошее объяснение этому шутовскому стилю в работе дала Нина Бор. Выступая на «капицинском», он сказал, что шутки и остроты были спасением в трудные времена. Трудные потому, что настоящая наука — дело сложное, и не все сразу понятно, а юмор — величайшее искусство в работе.

Все это очень подходит для характеристики стиля «капицинский». Многим кажется, что само слово «капицинский» по созвучию слишком похоже на «капустинский» — шуточный спектакль, который актеры сочиняют и играют для себя. А, применимо оно потому, что очень точно передает атмосферу научных семинаров в институте.

— Когда яшесь, всегда весело, — говорит Капица.

Долгое время он работал в Англии, и первый научный семинар, руководителем которого он был, назывался «Клубом Капицы».

«Клуб Капицы» состоял из молодых ученых. Влад ли — немцы; Мейерсон — Сливинский; Шиницу — японцы. На заседаниях «Клуба Капицы» в Кембридже бывали Эйнштейн, Бор, Гейзенберг, Ландау. Вспоминаю, что Капица не выступавший равнодушно на одного докладца. На каждом заседании он размахивал замотан в кулаке трубой и удивлялся: «А почему так?»

Возвращаясь к нашим дням, надо сказать, что руководителем научного семинара Института физических проблем Академии наук СССР академик Капица и сейчас, если ему что-то неясно, совсем как в молодости, не стесняется спросить, иногда перебивая докладчика на полуслове. Это не обидно: он не обрывает внимания, но докладывает — академик или лаборант.

На «капицинских» не ведется никаких протоколов. Вся обстановка для этого неподходящая. Протокол что-то официально и на звучание проблем некачественно. Академик Капица — это обсуждение научных проблем в непринужденной обстановке.

Научный поиск требует общения. Истина рождается в спорной, в общении. Истина должна быть атмосфера спора, на это существуют разные взгляды.

Бытует мнение, согласно которому интеллигентные ученые спорят вполголоса. Нет, неправда. Да, бывает, как Иванич, не правы...

— Нет, батенька мой, это вы не правы... Все это выглядит мило со сцены или экрану, но неправдоподобно в жизни.

В настоящих спорах страсти накаляются, голоса звучат на форсированных режимах, и, случается, слов не выбирают. Но всегда атмосфера «капицинских» предполагает полное доброжелательство к многомыслиемцу.

Именно поэтому семинары Института физических проблем пользуются такой популярностью среди молодых ученых. Здесь не страшно ошибиться: из ошибок не делают далеко идущих выводов. Предполагается, что не ошибается только тот, кто вообще ничего не делает.

Можно много рассказывать о семинарах Института физических проблем, можно вспомнить название докладов, вспомнить много неожиданного, веселого и грустного, но всегда драматичного, потому что рождение новых положений в науке — это драма идей. Так говорят, и это достаточно точно, но сравнивать научный семинар с театральным представлением по крайней мере наивно. На «капицинских» идет большая и сложная работа, а что почувствовать ее напряженность, всмотритесь в фотографии.

Это репортаж с самого переднего края науки, с того периода времени, которого только что достигла человеческая мысль.

Пока эти достижения закрепились только формулами мелом на доске или чернилами в блокноте, попомните их, ребята. Этим надо дорожить. Потом будут построены первые экспериментальные установки. Потом определяются основные направления, и по зыбким и узким тропкам в науку только что открытой, еще неизвестной страны двинутся артели, которые, как только обнаружат открытие кормило, одавало, согревало человека...

На основе этих формул будет строиться наша мощь. Для этого и существуют научные семинары, такие, как тот, который мы сейчас назвали «капицинским» и так называемый до сих пор.

Два десятилетия насчитывает история Германской Демократической Республики — первого государства рабочих и крестьян на немецкой земле. Но корни истории ГДР уходят в героическое прошлое немецкого пролетариата, поднявшего полвека назад в Бремене и Баварии Красное знамя Советской республики. Нынешняя социалистическая Германия — наследница и продолжительница революционных традиций немецких коммунистов, борющихся во главе с верным сыном своего народа Эрнстом Тельманом за победу идеи марксизма-ленинизма.

Германская Демократическая Республика стала бастионом мира и социализма в центре Европы. Вместе с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества она стоит на страже безопасности европейских народов, служит неодолимой преградой на пути реваншистских планов, вынашиваемых империалистическими кругами в ФРГ.

Больших достижений добилась Германская Демократическая Республика в строительстве социалистического общества. Если раньше восточные районы Германии были экономически отсталыми, являясь аграрно-сырьевым придатком индустриальных западных земель, то ныне ГДР входит в первую десятку развитых промышленных держав мира. Продукция с маркой «Сделано в ГДР» известна во всех уголках нашей планеты.

И все же самым отрядным итогом минувшего двадцатилетия нужно считать появление совершенно нового поколения немцев, тех ровесников молодой республики, объединенных в Союз свободной немецкой молодежи, которые борются под руководством Социалистической единой партии Германии за построение нового общества. А бороться — значит работать и учиться, творить и мечтать.

Успехов вам в этой борьбе, немецкие братья по классу! С двадцатилетием тебя, Товарищ ГДР!

ТОВАРИЩ ГДР

Курт ШТАЙНТЕР

Родина

Как дерево, в земле укоренен и отдан ветру, я с глубоко связываю плысь, приковываю к веткам птиц и подмиваю реки и небесам. Склонюсь я и расправлюсь, перечу бурям и носу в себе дожди и зной. И никому не уступлю ни пяди земли, что мной loved, которой я живу.

Хельмут ПРАЙСЛЕР

Портрет Ван-Гога

Мир был для него краской, сияющим плоскостями, в пылае листьях и моря.

Мир был для него — пляж, деревья — сотни свечей, горчице во всё небо.

А воронье свои черные тени вымывало в нитю... Птицы печали беспомощны и мрачны но без них оставалось бы небо бледным.

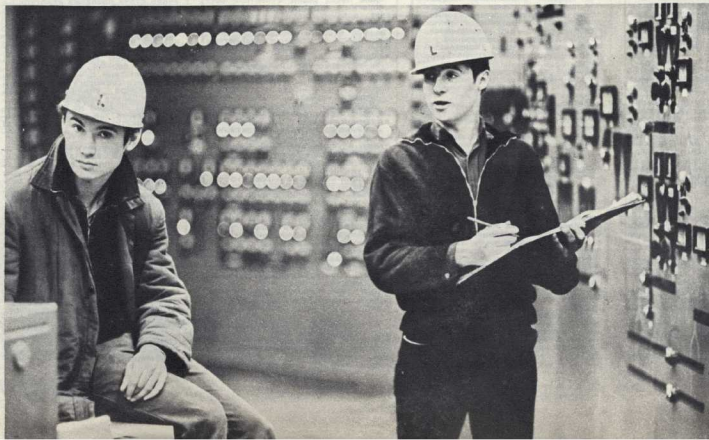
**МИР
МОЛОДОСТИ**



В РАБОТАХ
ФОТОМАСТЕРОВ

Наследники Эрнста Тельмана.

Фото БЕРНДА ШЕФЧИКА (ГДР).



Аксель ШУЛЬЦЕ

затаенных улыбок
за цветистыми штормали.

В солнечных очках без стекол,
в купальных шапочках
и с шлангами во рту
стартуют дети моей улицы
в свой носикосический рейс.

Однажды
будет океан перелпты,
и водорослей сады
зачахнутся в летнем потоке.
Все тогда будет легче.

Космонавты

Из тысяч звезд
одна радрует мая на Землю.
Диаграммы обсерваторий
отмечают спокойный пульс.

Вернувшись,
вы почти не уловите восхищения,

Манфред ШТРОЙБЕЛЬ

Жизни торжество

Израженный, худой, непокоренный,
и сил эпохи гнета и войны,
и колыбелью был мне лист зеленый
под черным прахом разлущившей
стены.

Я в страхе рос, еще тая надежду,
где маски шершавы наперевой,
там я вставала слова в защиту
между
жестоким миром и собой.

И словами добрым называе вещи,
я полагаю: они моя родня.
Я жил в словах. Но грянул гром
зловещий,
и этот мир обрушился на меня.

Миражон Гойн. Крымс. Паваны.
Приняли бод до горла мне дошли.
И жила язык мой, как сплошная рана
истерзанной земли.

То стои, то кричи, то немота, то пламя
и крови горькой на снегу разлива.
[Об этом память в омертвевшем
шраме,
но боли нет.] Дыханье затаи,
я вглубь ушел. Как рыба и как
птица.

Как эмирзон. А в сердце гул и
гнев.
Я в суть вещей хотел до дна
спуститься, поумдрее.

Принли сошел. Со дня пережитого
я вынес опыт: жизни торжество.
И новым светом освещает слово
мой новый мир. Мне создавать его.

Ульрих ФЭЛЬКЕЛЬ

В этой стране

В этой стране жить
и просто существовать,
без ответственности, без слез,
строить дома, но
не думать о новоселье,
слушать речи и все же
отмалчиваться всегда,
есть хлеб, взращенный тобой,
но не чувствовать вкуса,
рожать детей, не желая учить их,
солнца искать, но тени свои
продавать заранее в розницу
торговцам мяром,

в этой стране жить безучастно —
это словно объятия без любви
в жалком браве.
Когда я в газетах читаю про нас,
я шучу, где здесь речь обо мне.
Мои мысли бесплодны, если
не касаются остальных.
И слова ораторов
должны быть и моими словами.
Кто-то хвалит мою страну,
значит, часть этой славы — моя.
Заполнителя же и лжеца
я готов ответить не только словам.

Ибо в этой стране жить
без любви, без ответственности,
без слез и надежд, безучастно, это —
малое бытие.

Хайнц КАЛАУ

Их слабость

Из цикла «Послания»

Глубже, чем смерть,
глубже, чем гнев, —
слабость.

Не сопротивление
и не сдача, —
слабость.

Видеть гибель кого-то,
и не помочь,
и не броситься прочь!
Разрушения не предотвратить —
и не ускорить!

Бояться любой ошибки —
и не избежать ни одной!
Применяться к любому строю —
и не создавать никакого!

Глубже, чем гнев,
уже неподдающаяся гниву,
глубже, чем смерть,
еще неподдающаяся смерти, —
слабость.

Перевел с немецкого Вячеслав КУПРИЯНОВ.



о берега оставалось около ста шестидесяти километров, когда внезапно один за другим отказали оба двигателя.

Летающая лодка хорошо слушалась рулей, но командир видел известный риск в безmotorной посадке на воду, а потому приказал штурману и радисту немедленно покинуть борт. Тогда же он сообразил на земле, что будет бедствие.

Штурман сидел в застеленном носу аэробуса на мидел, когда радист по минуте заостроил внимание. Затем специальная рукояткой он распахнул под собой люк, замкнув цепь провешанную в него вместе с ярьелом, на котором все время так удобно и прочно расположился командир. Командир в последний раз пробует запустить двигатели. Может, он слишком рано приказал радисту и штурману покинуть самолет? Ну, ничего, если двигатели, дай бог, пойдут, он отщипет их на воде, сидит и подберется.

Минута, вторая... Двигатели молчат, падают выстрелы. Еще две минуты... Провансы для экспериментов больше нет. Его остается лишь на то, чтобы вопреки правилам посадки развернуться, подставить ветру хвост самолета и сесть как можно ближе к штурману и радисту. Бортовой хронометр показывает 19.30. Солнце заходит в этих местах в 21.05.

Радист уходит под воду, но оранжевый наддувной жилет сейчас же выбрасывает его на поверхность. Он отцепляет парашют и львизет к лодке. Наверное штурман поднимает свои стропы: наметает, его тащит прямо на голову радиста... Отсталанет штурман унос не видит. Его сильно бьет по ногам морская вода. Он делает глубокий вдох, правой рукой сквазает замок парашюта — щелкает Комбинезон намок и отряхивает дождевую воду. Штурман выплывает из строп и люмок, подплывает к своей лодке. Жаркий ветер дует с берега. Он еще не набрал силу — теплое море едва волнуется. Радист плавающий в пятидесяти метрах. Они гребут навстречу друг другу, зацепившись в лодке морские парашюты, снимают ботинки. Руки их вздрагивают. Оба не сказали пока ни одного слова.

Летчики старательно удерживают самолет на нужном курсе. Ветер наваливается на них сверху. Пока есть высота, это не очень опасно. Зато далеко впереди командир видит две оранжевые точки — сплыве всего штурмана и радиста.

До воды тридцать метров... двадцать пять... тридцать... Хорошо, если стихнет ветер — легкое волнение разбивает зеркало воды, и летчикам легче чувствовать высоту и положение машины в момент посадки.

Десять метров... два... Командир подтягивает штурман, и лодка падает на воду. Теперь в его руках водонепроницаемый руль: командир и тут старается походить как можно ближе к радисту и штурману. «Не достигнем метров полтора», — на глаз определяет второй летчик.

РАДИОЛОКАЦИОННЫЕ ПОСТЫ ВОЗДУШНОГО НАБЛЮДЕНИЯ ПРИНЯЛИ СИГНАЛ БЕДСТВИЯ С БОРТА АЭРОБУСА. ЕГО НЕУВЕРЕННО ПЕРЕДАЛИ ВСЕМ АВАРИЙНО-СПАСАТЕЛЬНЫМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМ АВИАЦИИ И ОЛДАТА, РАДИСТЫ ПОИСКОВЫХ ГРУПП СПЕШИЛИ ДОСТАВИТЬ СВОИ КОординаты ПРИВОДИВШЕГОСЯ САМОЛЕТА. СПОНИЛ МАШИНА ЛЕТИО ТРОУНУЛАСЬ С МЕСТА И НЕ ОСТАЮНУТСЯ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НЕ ЗАКОНЧИТ СВОЕЙ РАБОТЫ. СПАСИТЕ ЛЕТИЧНОС НАДЛЕЖАЛО В ОСТАВИШЕСЯ ЧАСЫ СВЕТЛОЙ ЧАСТИ СУТОК.

В 18 ЧАСОВ 45 МИНУТ. Штурман и радист наперегонки подгребают и самолету. Второй летчик проник снизу отсюда лодки и месту радиста и отсюда с помощью специальной рукояткой выбросил на воду оранжевый порывозинный свертон. Через несколько секунд он станет пятидесяти лодкой, которую следует держать наготове. Тем временем командир осторожно открыл водонепроницаемый люк и радист в метре от нее. Внезапно волны приподняли лодку штурмана и легко прижали ее к борту самолета. Как раз в том месте, где находится его подводящая часть в виде острой кромки волнореза. Штурман слышит треск шипения. Растворено, но быстро он ощущывает многочисленные карманы своих брюк, ищет комусобразные резиновые пробы с резбой. Они вываливаются на дно

УЧЕБНУЮ ЗАДАЧУ ОТРАБАТЫВАЛИ:
КАПИТАН ИГОРЬ ШИШКИН,
ПЕТР МАЛИНКО,
ПЕТАВАНТИ;
ВИКТОР ШЕРАБЕТАХ,
ГЕОРГИЙ НИКОНОВ
И МАТРОС ВИКТОР ГАВРИШ.
ЭКИПАЖЕМ ВЕРТОЛЕТА-СПАСАТЕЛЯ
КОМАНДОВАЛ
БОРИС ДМИТРИЕВИЧ КОВАЛЕНКО.

ИЗ СТРАШНОГО ПОЛЕТА



Полеты над морями и океанами морские пилоты теперь совершают в таких вот костюмах.

прололтой лоды. Штурман хватает одну, свет в прозоре и быстро-быстро заминувает. Новая волна еще раз толкает лодку на полнорез. Командир кричит, чтобы штурман бросал свою лодку и впадал добравшись на берег. Штурман плашмя валится в воду, барахтается быстро хватая руку командира. Лодка наполняется водой, но не тонет. Сверху в ней плавают ботинки...

19 ЧАСОВ 06 МИНУТ. Весь экипаж в сборе. Полуэлектрический радист добрался к своему месту (по дороге обследовав днище самолета, нет ли течи), с помощью аккумуляторов разогретой и усталой радио. Затем они перенюхались на авиационный анализ связи и тутчас усиленно собираются выжить на него, как на малы).

Несколько сот километров, которые нас отделяют, радиоточность прокладывает минут за двадцать. Радист доволен началом дела.

19 ЧАСОВ 15 МИНУТ. Заметно полегчало. Из просторной пилотской кабины второй летчик и бочине, оборачивает море и небо. Ему не видно, но со стороны солнца в очках низко над водой и нам кажется летящая лодка. Зато все слышит во гул. Радист выключает приемник. Молча...

Невероятно, но кажется, нас не заметили!

Лодка внезапно высвывается из верхнего тумана, пускает вслед самолету сигнальную ракету. Куда там! Это все равно, что один из нас захотел бы сейчас закрыть пальцем солнце...

19 ЧАСОВ 27 МИНУТ. Началась качка. Вдоль всех ее переиспыт радист. Командир вскрил ИЗ, отнес ему вполне лую вобу. Второй летчик наконец видит поисковый самолет. Со своих пятнадцати — сорота метров его экипаж поочередно нам кричали. Затем радиоточность делает нуль и со второго захода командир сообщает о выключенной т. Мы слышим мощный всплеск и слышим, как пролетает над нами корпус настоящего катера. Радиоточность ложится в неурную вираж. Его операторы выключают дистанционное управление, моторы заглушают на казенный и подают кораблям и нашу боту.

специальных водонепроницаемых мешков. Катера уложены там же. В них теплая одежда, продовольственные средства. Голубо-голубая вода ли все это нам понаходится. Заполняя почти все пространство, приходится по кораблю сам самолет, пятнадцатая надводная лодка (иуда боевая промача, та, что была под штурманом) и, наконец, эти плывущие на нас баркас. «Не надо ли еще чего?» — слышат наш радист. «Лучше ничего не надо», — отвечает командир. Нам хочется, чтобы он дул и бергует.

20 ЧАСОВ. Время уминать. Вспры-

Спасательная одежда позволяет летчикам продержаться в холодной воде долгое время.

Посланный авиарейс за нас (ИАЗ) морского летчика. В него складывается морганина радиоточности, алоушиеся складывающиеся ажиж, алоушиеся переключатели, бочка с пресной водой, оверсител, ночные и дневные сигнальные ракеты и дымовые шашки, ацетил, жомаша, соль, сахар, консервы, жуты для остановки кровотечения, светов, рыболовные снасти в консервированном масле, бисими, эсаловерф (жирало, которое полюбят всеотые сигмажи), специальная вода (ее олоу снижает суворости).

автом бортовые баины, один печеночный паштет, лимонные дольки и витаминизированное драже, льям виноградный сок. Бачок с пресной водой пока лучше не трогать. Штурман и полый радист надевают сумки номинаторы. Второй летчик готовит настоящие патроны с ночным сигнальным льдом, командир слушает приемник. Все четверо задыше журильнино, но все это время нитю из нас не вспоминает в табале. Солнце зашло, но ИАЗ МИНУТ.

20 ЧАСОВ 22 МИНУТЫ. Все разом слышим вертолет. Видеть его мешают дымки. Радист заглушает мотор баркаса, уходит на нем от самолета вперед и назад. Штурман торопится в лодку, вышибает на место райды, к его открытому люку. Отсюда он слышит в воду два пакета с люминесцентными порохами: через несколько секунд вертолет расправляется прямо-зеленое пятно. А на барисе радист вскрил лорку с авиационным запасом, достал из нее портативную радиостанцию — своеобразный маяк для обнаружения самолета. Специальным зрением штурман ловит солнце, настраивает его стволы. Специальным щегося люка: заимчик с воды непрерывно должны заметить воздушные наблюдения. Второй пилот на открытой двери пускает сигнальные ракеты. Командир связался с экипажем вертолета, спрашивает, что тот должен делать. «Бросьте свои шутки с



радиостанции, но втащить здровенный и мамоний тик в узкую дверь самолета? Вряд ли это возможно... Командир смеется. Командир включает БАНО — бортовые авионавигационные огни: красный, зеленый и белый фонари на крыльях и в хвосте авиобина — и то сразу, если вдруг мы встретим какой-нибудь корабль. Сейчас он очень бы нам пригодился...

21 ЧАС 13 МИНУТ. Тихоня степенно и молча проминает в пилотскую кабину. «Ну как, а?» «Полубою запуская». Черт возьми, неужели у них нет нервов!

Плано задается львий винт. Кажется, все пока идет хорошо (не слышны боты). Вот он набрал полновенные обороты, и — здесь все в порядке! Но экипажи мы все равно не сможем: барнас Бросать его в море — слишком дорогое для и немумное удовольствие. Придется брать на бисери и впасть двигаться к бергу.

Третьим морским улем радист прихватывает барнас и хвосту самолета. Штурман и второй пилот в один голос кричат, что видят какой-то корабль. Один из техников берет бортовую промеротри три три, три три... три три — чотвэтыше винт. Выясняется, что это Буисер-Сасата-А. Будет самостоительно. Спасибо, нам ничего не нужно. Возврате, пожалуйста, барнас. «Вас понял. Счастливца».

21 ЧАС 22 МИНУТЫ. Стемнело. Экипаж на своих местах. Командир в последний раз разворачивает самолет против ветра — обязательное условие для взлета. Второй летчик включает «Черт возьми».

И вот уже над нами вращаются звезды в крутом вираже командир просит помнить открытое море, угли и бергу, где намерива вместо залупленного отады летчикам всею ночь предост расхвалать любыми тварями во всех своих действиях и переживаниях. Будет что вспомнить. А вот и суза. Командир запрашивает: «Слышите песани — направление и силу ветра у земли. Бортовые хронометры показывают ПОЛОВИНУ ДЕСЯТО».

И ПОСЛЕДНЕ. Все, что мы прочли, признания, на самом деле выглядело куда более сложным, чем было на терпещего бедствие самолета, ни прыжки в воду, ни приключения в открытом море.

Пятеро морских летчиков сначала направились к лодке, а затем отделились от берега во всех деталях радиостанции. Командир осведомил двенадцати. Командир беспокойно поворачивался, но на другое крыло, — успел ли детонать штурман и радист приводит себя в порядок снова раскладывают по ящикам свои важные документы, записывают в самолет одинаковые лодки. Правдивинито пока не знает, как быть с барнасом: выпустить из него воздух —

пара пустыню, но втащить здровенный и мамоний тик в узкую дверь самолета? Вряд ли это возможно... Командир смеется. Командир включает БАНО — бортовые авионавигационные огни: красный, зеленый и белый фонари на крыльях и в хвосте авиобина — и то сразу, если вдруг мы встретим какой-нибудь корабль. Сейчас он очень бы нам пригодился...

21 ЧАС 13 МИНУТ. Тихоня степенно и молча проминает в пилотскую кабину. «Ну как, а?» «Полубою запуская». Черт возьми, неужели у них нет нервов!

Плано задается львий винт. Кажется, все пока идет хорошо (не слышны боты). Вот он набрал полновенные обороты, и — здесь все в порядке! Но экипажи мы все равно не сможем: барнас Бросать его в море — слишком дорогое для и немумное удовольствие. Придется брать на бисери и впасть двигаться к бергу.

Третьим морским улем радист прихватывает барнас и хвосту самолета. Штурман и второй пилот в один голос кричат, что видят какой-то корабль. Один из техников берет бортовую промеротри три три, три три... три три — чотвэтыше винт. Выясняется, что это Буисер-Сасата-А. Будет самостоительно. Спасибо, нам ничего не нужно. Возврате, пожалуйста, барнас. «Вас понял. Счастливца».

21 ЧАС 22 МИНУТЫ. Стемнело. Экипаж на своих местах. Командир в последний раз разворачивает самолет против ветра — обязательное условие для взлета. Второй летчик включает «Черт возьми».

И вот уже над нами вращаются звезды в крутом вираже командир просит помнить открытое море, угли и бергу, где намерива вместо залупленного отады летчикам всею ночь предост расхвалать любыми тварями во всех своих действиях и переживаниях. Будет что вспомнить. А вот и суза. Командир запрашивает: «Слышите песани — направление и силу ветра у земли. Бортовые хронометры показывают ПОЛОВИНУ ДЕСЯТО».

И ПОСЛЕДНЕ. Все, что мы прочли, признания, на самом деле выглядело куда более сложным, чем было на терпещего бедствие самолета, ни прыжки в воду, ни приключения в открытом море.

Пятеро морских летчиков сначала направились к лодке, а затем отделились от берега во всех деталях радиостанции. Командир осведомил двенадцати. Командир беспокойно поворачивался, но на другое крыло, — успел ли детонать штурман и радист приводит себя в порядок снова раскладывают по ящикам свои важные документы, записывают в самолет одинаковые лодки. Правдивинито пока не знает, как быть с барнасом: выпустить из него воздух —

И-ская морская авиационная часть.

Корреспондент журнала «Смена»

Игорь Ачильдиев беседует на московском инструментальном заводе «Калибр» с начальником юридического бюро Верой Анисимовной ГОРЯЧЕВОЙ и начальником общественного отдела кадров Юрием Захаровичем МОРДЫШОМ

У метро «Щербовская» до завода «Калибр» тянется узкая дорожка. По ней непрерывными встречными потоками идут, шагают люди. Кто-то торопится — опаздывает на собрание; комсорг хотел собрать в перерыв между сменами всех ребят. Кто-то с ошущением славно поработавшего человека согонид заводит речь о танцах, на которые недурственно бы сходить сегодня вечером. Кто-то широко разводит руками, изображая отнюдь не разочарование и даже не хвастая размером пойманной некогда щуки, а сам на минуту превращаясь в неводу. И, конечно же, девчонки с взглядом шаркаются по сторонам.

На «Калибре» работают две тысячи молодых рабочих. Сейчас я вижу их смущенными, но у станков их лица становятся сосредоточенными, строгими. Слово им одним доверено великое таинство, преобразующее обыкновенную металлическую болванку в сложный и точный инструмент.

А потом, когда кончатся восемь рабочих часов, снова встречаются два потока на узкой дорожке, ведущей к метро, снова шутки, смех, и кто-то совершенно серьезный чертит в воздухе новейший образец вечернего платья.

— Ну, зачем им, эти счастливым и веселым людям, знать скучную юриспруденцию? К чему влезать в тонкости сутого и никому не ведомого «узуфрукта»? Изучать теорию доказательств, обобщать себя знанием презумпции невиновности? Зачем, вообще говоря, молодому рабочему знание права? — с этих вопросов началась наша беседа.

В ГОРЯЧЕВА. Несмотря на юрнюю, вопрос серьезный. Подобное мнение так широко распространено, что правовым обучением молодого рабочего не занимаются ни ПТУ, ни техникумы. Да что ПТУ — студентом-то не всегда знаешь с основ советского трудового права! Дипломированный инженер, только что защитившийся на ютлично, не знает, что за работу в праздничный день рабочему положено платить в двойном размере. А на производстве старинная шюльная отговорка — «мы этого не проходили!» — не помогает.

Но самая суть вопроса в другом. Общине думают, стоить только ликвидировать все или почти все конфликты правового характера на производстве, как не потребуются и знание права. Глубочайшее заблуждение! Дело обстоит как раз наоборот: чем лучше знает право, тем меньше конфликтов.

Заводская жизнь не так проста, как она кажется посетителю. Простейший пример: молодой рабочий придумал приспособление, облегчающее обработку детали. К кому он должен обратиться за помощью: к мастеру, к начальнику участка, и заместителю начальника цеха или к самому начальнику цеха?

Ю. МОРДЫШ. Начальник общественного отдела кадров — это не партидное порученное, но в еще и начальник цеха автоматизации и механизации производства. Так вот, около 15—20 процентов всех обращений ко мне вопросов — не по адресу. Между тем и наша заведующая существует распределение обязанностей. О них должны знать мастера и рабочие, это ускоряет решение вопроса.

В. ГОРЯЧЕВА. Распределение обязанностей, разграничение компетенции должностных инстанций, ограничение круга их полномочий — что все это

такое, как не сфера действия административного права! Рабочие говорят: ты сделайся, а есть еще и повременная оплата труда. Как будут платить сделчику во время sickness, вынужденного простоя в непогоду? Это уже область действия трудового права. Молодой рабочий женился, он идет в местном, просит квартиру. А там спрашивают, где он живет, науку занимает жилищно-коммунальный отдел. Оказывается, надо знать и жилищное право, одну из отраслей гражданского, где нашел себе приют и тот самый таинственный «узуфрукт». Когда тебе со всех сторон обступают неизвестные правовые нормы, то, конечно же, лучше их знать, чем действовать наобум, или все время обращаться за помощью к людям, искушенным в юриспруденции.

Зная или не зная закон, молодой рабочий так или иначе вступает в правовые отношения с заводом, с его должностными лицами. Он похож на известного мольеровского героя, который, сам того не ведая, говорил прозой. Но с правом дело сложное. Когда тебе просит не только говорить прозой, а придерживаться определенных манер, надо знать хотя бы элементарные требования этих манер. Надо четко представлять себе основные принципы и систему построения советского права.

Ю. МОРДЫШ. Да, завод, как это ни странно, не только мир станков, но и мир прав. Для черных и шюльников это самая настоящая «терра неконгита». Они пришли на завод с ученической скамьи, где за все их действия отвечали родители. В школе действуют правила, а не право. Конечно, если подросток совершит преступление, он отвечает перед судом. Но на заводе молодой рабочий становится субъектом права и сам отвечает за все свои действия. Это ново, и этому он совершенно не привык. Он еще надеется, что все будет, как в школе: «Ну, не пришел на урок, вызовут родителей, покурят, поставят перед педагогом...» А тут дело приобретает совсем иной оборот. Привыкнуть и новому положению сразу трудно, отсюда юношеские срывы: обидится на мастера и на работу не выйдет — пусть мастеру будет хуже! Элементарное понятие о трудовом праве, о своем месте в коллективе, о том, как молодому рабочему быстрее адаптироваться, привыкнуть к заводу, легче войти в рабочий коллектив.

В. ГОРЯЧЕВА. Я работаю на «Калибре» десять лет. В 1959 году в комиссиях по трудовым спорам рассмотрено 350 конфликтов, в прошлом году — всего два. Меньше ли стали интересоваться правом!

В 1962 году было специальное решение о создании на заводе общественной юридической консультации. Впервые это означало, что в определенные дни принимать сотрудников завода и давать им консультации по все юридическим вопросам. Действует и теперь наша общественная юридическая консультация, только определенные дни приема в ней нет. Мне приходится начинать консультации от самого метро, прямо на ходу. И вопросы задают не только связанные с заводской жизнью. Конечно, на заре послышалось письмо: неправильно разделили усадьбу [значит, надо знать и земельное право]. Кто-то, как рассказывают, неправильно осудили, не был назначен защитник, хотя родственник ходатайствовал об отмене приговора [значит, надо быть знатоком и в уголовном процессе].

ПРАВА. А ОБЯЗАННОСТИ?



ЧТО ТАКОЕ ПРЕЗУМЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ?



«МЫ ЭТОГО НЕ ПРОХОДИЛИ»



СКОЛЬКО ПЛАТЯТ В ВЫХОДНОЙ?



КТО ЧИТАЕТ КЗоТ?

— Вы назвали несколько отраслей права, которыми регулируются отношения в заводском коллективе. В какой же сфере больше всего осталося правовых конфликтов у молодых рабочих?

ГОРЯЧЕВА. Конечно, в трудовой. Конфликты возникают главным образом из-за неудовлетворенности своими трудом и материальным вознаграждением за него. Тут сказывается и недостаток специальной помощи в ведении работы, медленная адаптация в коллективе, взаимоотношения с мастерами. Но это не означает, что дело доходит до суда или комиссии по трудовым спорам. Знаете, у нас, юристов, есть поговорка: «Заманили на свадьбу не зовут, только на развод». Так вот сегодня наша задача — чтобы до развода не дошло.

Ю. МОРДИН. В цехе амперотерапевта работала Тая Мезина. Ей восемнадцать лет, она контролер: каждый день одно и то же изделие проверяла на точность изготовления. Операция простая, возможности роста — никаких. Работала нелюбо, но вдруг приходит и подает заявление об уходе, по собственному желанию. Спрашивают: куда собралась? Оказывается, на фабрику игрушек, куда раскрываются. Что тут было делать? Формально она имеет право уйти. И игрушек тоже дело серьезное. Но ас-та-та тут ее коллектив. Здесь она работает больше года, привыкла к заводу, квартира рядом. В общем, видно, она себе делает тузу. Мы с ней походили по заводу, поели в ее по разным цехам. И решила она перейти к цеху приборов номер один. Сейчас работает учеником токаря на маленьком станочке. Довольна: загруженность поляна, в течение неделиomenclатра в цеховой комнате до десяти раз, работа не одинаковая. И есть перспектива роста, квалификации.

— А когда конфликт предостеречь не удается, изменение трудового права может повлиять на молодую рабочую?

В. ГОРЯЧЕВА. Что вы имеете в виду? Например, молодой рабочий при увольнении в связи с сокращением штата не получил выходного пособия: он не знает, что оно ему положено, а администрация этим незнанием воспользовалась и не выплатила так не бывает. Но бывает, что незнание права, непонимание, как следует действовать, приводит к нежелательным последствиям. Скажем, никто Иванов хочет перейти в другой цех. Вместо того, чтобы подать заявление о переводе, он не выходит на работу в своем цехе. Его увольняют за прогул. Конечно, так можно случиться. Но суть правоотношений заключается в том, и состоит, что работник НЕ ОБЯЗАН знать закон, администрация же ОБЯЗАНА закон выполнять. Может быть, поэтому некоторые считают, будто обязательный закон в школе и в институте не обязательны.

А кроме того, есть и еще один важный момент: наш закон справедлив. И если рабочий чувствует себя обманенным, чувствует, что с ним поступили несправедливо, он идет в ПРАВО, а ПРАВДУ. Он считает, что раз он морально прав, то, несомненно, должен быть и закон, охраняющий его право. Из этого в общем прекрасного положения, когда закон опирается на мораль, оно подкрепляется вышестоящим, и следовательно, одна из функций: молодую рабочую надо знать свои права — и только права. А кто же будет знать обязанности? Ведь любые правоотношения состоят из права и обязанности. Они распределяются на обе стороны: на завод и на рабочего. Рабочий обязан

трудиться, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка. Завод обязан платить за труд. Рабочий имеет право увольняться, завод имеет право уволить — все в конкретный законном установленном случаях. Но обязанности есть у обеих сторон. И если уж изучать право, то надо начинать с изучения обязанностей. Потому что слово «прав» узнают довольно быстро.

Сосем недавний случай. Уволилась у нас рабочая Егорукшина. Подает заявление, две недели отработала, а потом не вышел к стеньку. Пришел за расчетом. Ему говорят: вот тебе обходной лист, подними его и иди в цеху. Он пошел с «бегункою» к начальнику цеха, а в библиотеку не заглянул. И ушел с завода. Прошло десять дней, приходит снова: «кто мне будет платить за вынужденный прогул? Знает же свои права: задержали расчет — плати! Такого гипертроя права и пренебрежение обязанностей — плоды веры в то, что закон охраняет только права, обязанности — дело второстепенное.

— Современное право — сложная и разветвленная система. Один Уголовный кодекс состоит из трех сотен статей. В Гражданском — в полтора раза больше. А есть еще КЗоТ — кодекс законов о труде, процессуальные кодексы. Существуют, наконец, постановления Пленума Верховного Суда СССР и прочие подзаконные акты: постановления правительства, Указы Президиума Верховного Совета СССР и союзных республик. Знать такую массу законов, решений, постановлений, указаний и разъяснений молодой рабочему просто невозможно. А полузнание, как известно, всегда хуже незнания.

В. ГОРЯЧЕВА. Вы правы, но в какой-то очень незначительной степени. Во-первых, весь народ, и молодежь в том числе, должен знать свои законы. Знание закона — определенная и солидная часть мировоззрения. Демократия в том и состоит, что народ управляет страной, опираясь на свои законы. Согласится, что для этого как минимум эти законы надо знать. А во-вторых, признаю вам по секрету: не помню, сколько статей в Уголовном кодексе. И в гражданском тоже. Для того чтобы вернуть, не надо изучать, что такое «хитрости государственного или общественного имущества... карается лишением свободы на срок до...». Надо изучить себе, что воровать нельзя. Надо четко отдавать себе отчет, противоправны твои действия или законы. Можно научиться читать Уголовный кодекс и быть взысканным. Суть знания закона в другом. Везде один пример: рабочий совершил прогул. О чем в этой теме подумает в цехе!

Начальник участка: «Иванов не вышел на работу, станок пустует, попробую я поставить на него ученика Петрова. Парнишка смекалитель, справится».

Сын Иванов: «Ну, прогулял, черт с ним. Не виноват же! Отработаю завтра или в выходной. — Юрист: «можно уволить, но есть ли смысл? Надо наказывать, может быть, провести товарищеский суд, показать ему и его товарищам, что прогул вреден и рабочему, и коллективу цеха, и всему заводу».

Обратите внимание на разницу мышления: руководитель думает, как исправить положение, мышление административное. Рабочий проект нацелен на справедливость. Юрист думает о противоправности прогула и канин нормами права этой прогул регулируется, — мышление юридическое. Задана в том, чтобы каждый молодой ра-

бочий воспитан бы в себе «правые тортозы», которые остановили бы его, предотвратили от нарушения трудовой дисциплины. И, конечно, он должен ориентироваться в системе права, уметь размыкать в справочнике интересующий его закон.

Ю. МОРДИН. Трудовое законодательство — одно из самых сложных. Тут, как говорится, сам черт ногу сломит. Иногда и юристы путаются. Сложность есть и в том, что трудовое законодательство не собрание запрещающих норм и статей, как Уголовный кодекс. В КЗоТе собраны нормы, а бы сказал, рекомендующие, как надо [или не надо] поступать в конкретных обстоятельствах. Но жизнь всегда сложнее нормы права. Воспитание чувства ответственности перед законом, уважения к законности — то, что Вера Анисимова называет юридическим мышлением, — вот что важно. И начинать такое воспитание надо еще в школе. Как! Только не по книжкам, но зубрежкой статей и постановлений.

Как часто нам, родителям, приходится слышать: «Эх, собрался пойти в поход по местам боевой славы, а денег нет! Мы бы сами заработали в колхозе или на заводе — пусть только разрешит!» И надо разрешить! Если работа временная, если подростку это не идет на вред — ни физический ни моральный, — пусть причисляет к труду на производстве. Пусть идет, как трудно достается рабочему рубль, как складываются отношения между людьми на производстве, как право регулирует взаимоотношения в жизни, на заводе.

У нас тесная связь с 287-й школой, они наши подшефные. Сотрудники завода часто там бывают, рассказывают об истории завода, о его славы революционных традициях. Но часто ли мастера, начальники цехов рассказывают школьникам о том, что такое сделались? Что такое прогрессивная? Что такое тринадцатый оклад? И вообще о жизни рабочего коллектива?

На мой взгляд, такие рабочие уроки, кроме общеобразовательной, играли бы роль своеобразной школы права, школы, формирующей социалистическое правосознание.

— Судя по всему, мы перешли и выработке конкретной программы правового обучения молодого рабочего...

В. ГОРЯЧЕВА. Обучение это давно идет. Ежегодно в цехам «Камбара юристы читают около 80 лекций. Темы: «Дисциплина труда», «Отпуска», «Оплата по бюллетеню», «Передачи и увольнения». Конечно, 80 лекций на завод не так много, надо больше. Особое внимание — юридической грамотности руководителей. Раз в три года каждый руководитель на заводе, начиная от мастера и кончая начальниками цехов и отделов, проходит специальную переподготовку. Они слушают книги лекций и бесед по трудовому законодательству и технике безопасности.

Мы думаем, обучение основам советского права надо начинать в обычной средней школе. И обязательно продолжать в ПТУ, техникума, институтах. Не имеет специалист получать диплом об окончании вуза или техникума и ничего не понимать в трудовом законодательстве, в правовых параметрах своей будущей работы. Это, если только, противостественно.

И, наконец, последний вопрос. Вера Анисимова, скажите, что же все-таки такое — «зуду-фрукт»?

В. ГОРЯЧЕВА. Э, нет, так дело не пойдет. Уж мы, повзрослев, открыли-ка сами учебник римского права.

ПОД СЕНЬЮ СВЯЖКА ПТОЛ

Поговорим просто так. Поговорим о вещах неизбежных и потому приятных. Поговорим о забавных свойствах человеческой природы, воплощенной в наших знакомых. Нет большого наследия, как говорить о некоторых странных привычках наших знакомых. Ведь мы об этом говорим, как бы прислушиваясь к собственной здоровой нормальности, и в то же время подразумеваем, что и мы могли бы по-авось себе такого рода отклонения, но не хотим, нам это ни к чему. А может, все-таки хотим?

Одно из забавных свойств человеческой природы заключается в том, что каждый человек стремится догнать собственный образ, названный ему окружающими людьми. Иной пацан, а догнывает.

Если, скажем, окружающие заботливы и заботятся о тебе исполнительного мула, сколько ни сопротивлялся, ничего не получишь. Своим сопротивлением ты, наоборот, закрепляешь в этом звании. Вместо простого, исполнительного мула ты превращаешься в упорствующего или даже озлобленного мула.

Правда, в отдельных случаях человеку удается навести окружающих своей желательной образ. Чаще всего это удается людям много, но систематически пыщащим.

Какой, говорит, хороший был бы человек, если б не был. Про одного моего знакомого так и говорят: мол, талантливей инженер человеческих дум, губит вином свой талант. Попробуй вслух сказать, что он, во-первых, не инженер, а техник человеческих душ, а во-вторых, кто видел его талант? Не скажешь, потому что неблагоприятно получается. Человек и так пьет, а ты еще осложняешь ему жизнь вишином кляузами. Если пыщащему не можешь помочь, то по крайней мере не мешай ему.

Но все-таки человек догоняет тот образ, который назван ему окружающими людьми. Вот пример.

Однажды, когда я учился в школе, мы всем классом работали на одном приморском пультуре, стараясь превратить его в место для культурного отдыха. Как это ни странно, в самом деле превратили.

Мы засадили пультуре акациевыми саженцами передовым для того времени методом гнездовой посадки. Правда, когда саженцы оставались мало, и на пультуре было еще достаточно свободного места, мы стали сажать по одному саженцу в ямку, таким образом давая возможность новому, прогрессивному методу и старому проявить себя в свободном соревновании.

Через несколько лет на пультуре выросла прекрасная акациевая роща, и уже никак невозможно было различить, где гнездовые посадки, а где одиночные. Тогда говорили, что одиночные саженцы в непосредственной близости от гнездовых, завидуют им Хорошей Завистью, подтачиваются и растут, не отставая.

Как или почему, сейчас, присевшая в родной город, я иногда в жару стдыхаю над нашими, теперь огромными деревьями и чувствую себя Воволованым Патриархом. Вообще акациалит очень быстро растет, и каждый, кто хочет почувствовать себя Воволованым Патриархом, может посадить акациалит и дожидаться его высокой, повзгивающей, как слоенные игрушки, кроны.



Но дело не в этом. Дело в том, что в тот давний день, когда мы воздвигали пультуре, один не обратил внимание остальных на то, как я держу носилки, на которых мы перетаскивали землю. Вспомнив, присматривавшийся за нами, тоже обратил внимание на то, как я держу носилки. Все обратили внимание на то, как я держу носилки. Надо было найти повод для веселья, и повод был найден. Оказалось, что я держу носилки, как Отъезжающий Лентяй.

Это был первый кристалл, выпавший из раствора, и дальше уже шел деловитый процесс кристаллизации, которому я теперь сам помогал, чтобы окончательно докристаллизоваться в заданном направлении.

Теперь все работало на образ. Если я не ребят обратил внимание на математике сидел, никому не мешая, спокойно дождался, покамест мой товарищ решит задачу, то все присматривали это мой лени, а не трудности. Естественно, я не пытался в этом кого-нибудь развешивать. Когда же я и по русскому письменному писал прямо на головах, не пользуясь учебниками и шпаргалками, это тем более сильно доказательством моей несправиваемой лени.

Чтобы оставаться в образе, я перестал исполнять обязанности дежурного. К этому привалялся настолько, что, когда кто-нибудь из учеников забывал выполнять обязанности дежурного, учителя под оборотливый шум класса заставляли меня стирать с доски или тащить в класс физические приборы. Впрочем, прибора тогда не было, но кое-что тащить приходилось.

Развитие образа привело к тому, что я вынужден был перестать делать домашние уроки. При этом, чтобы сохранить остроту положения, я должен был достаточно хорошо учиться.

По этой причине я каждый день, как только начиналось объяснение материала по гуманитарным предметам, ложился на парту и делал вид, что дремлю. Если учителя возмущались моей позой, я говорил, что заболел, но не хочу пропускать занятий, чтобы не отстать. Лежа на парте, я внимательно слушал голос учителя, не отставая на обычные плоскости, и старался запомнить все, что он говорил. После объяснения нового материала, если оставалось время, я вымалывал отвечать в счет будущего урока.

Учителей это редовало, потому что слышно их педагогическую самолюбие. Получалось, что они так хорошо и доходяще доносят свой предмет, что ученики, даже не пользуясь учебниками, все усваивают.

Учитель ставил мне в журнал хорошую оценку, зная, что я все был доволен. И никто, кроме меня, не знал, что только что факсированные знания рушатся на моей голове, как рушатся штанга из рук штангиста после того, как прозвучит судейское: «Вес выки!»

Для полной точности надо сказать, что иногда, когда я, делая вид, что дремлю, лежал на парте, я и в самом деле погружался в дремоту, хотя тогда учителя продолжал слышать. Гораздо позже я узнал, что таким или почти таким методом изучают языкки. И думать, не будет выглядеть слишком несерьезным, если я сейчас скажу, что открытие его принадлежит мне. О случаях полного засыпания я не говорю, потому что они были редки.

Через некоторое время слухи об Отъезжающем Лентяе дошли до директора школы, и он почему-то решил, что это именно я ставлю под-



ворную трубу, которая полгода назад исчезла из географического кабинета. Не знаю, почему он так решил. Возможно, сама идея хотя бы зрительского сокращения расстояния, решил он, больше всего могла соблазнить деятеля. Другого объяснения я не нахожу. К счастью, подарную трубу отыскали, но ко мне продолжали присматриваться, почему-то оспаривая, что я собираюсь выкинуть насов-нибудь фокус.

Вскоре выяснилось, что никаких фокусов я не собираюсь выкидывать, что я, напротив, очень послушный и добросовестный деятель. Боле того, будучи деятелем, я вполне прилично учился.

Тогда ко мне решили применить метод массированного воспитания, модный в те годы. Суть его заключалась в том, что все учителя неожиданно наваливались на одного передового ученика и, пользуясь его растерянностью, доводили его успеваемость до образцово-показательного блага.

Идея метода заключалась в том, что после этого другие нерадивые ученики, завидуя ему Хоршей Завистью, будут сами подтягиваться до его уровня, как одиночные посяды авалантов.

Эффект достигался неожиданно массированного нападения. В противном случае ученик мог успеть ускользнуть или испакостить сам метод.

Как правило, опыт удавался. Не успевала малючка, образованная массированным нападением, рассосаться, как преобразованный ученик стоял среди лучших, наглосто улыбаясь смущенной улыбкой обеспеченного.

В этом случае ученики, завидуя друг другу, может быть, но слишком Хоршей Завистью, ревниво по журналу следили, как он пожимает успеваемость, а уж, конечно, каждый старался, чтобы кривая успеваемости на отрезке его предмета не нарушала победную кривизну.

То ли на меня навалились слишком дружно, то ли забыли мой собственный приличный уровень, но когда стала подводить итоги опыта работ надо мной, выяснилось, что меня довели до уровня кандидата в медальисты.

— На серебряную потянешь, — однажды объявила классная руководительница, тревожно заглядывая мне в глаза.

Это была маленькая, самолюбивая каста неприкасаемых. Даже учителя сменя побились кандидата в медальисты. Они были призваны защищать честь школы. Замахнулись на кандидата в медальисты было все равно, что подставить под удар честь школы.

Каждый из кандидатов в свое время собственными силами добился выдающихся успехов по какому-нибудь из основных предметов, а уже по остальным его дотягивали до нужного уровня. Включение меня в кандидаты было пока еще тихим триумфом метода массированного воспитания.

На выпускных экзаменах к нам были приставлены наиболее тонокые учителя. Они подошли и к нам и часто под видом разъяснения содержания билета тихо и сжато рассказывали содержание ответа. Это было как раз то, что мне нужно. Спринтерская успеваемость, отпущиваясь по мере исполнения роли *Отъезжающего Шестя*, помогла мне точно донести до стола комиссии благоприятнейший шепоток подстра-

ховывающего преподавателя. Мне оставалось включить звук на полную мощность, что я и делал с неподдельным восторжением.

Кончилось все это тем, что я вместо заглазированной на меня серебряной медали получил золотую, потому что один из кандидатов на золотую по дороге сорвался и отстал.

Он был и в самом деле очень сильным учеником, но ему никак не давались сочинения по русскому письменному, и у него была слишком истеряная мать. Она была членом родительского комитета и всем надоела своими вздорными предложениями, которые никто не принимал, но все вынужденно были обсуждать. Она даже внесла предложение корчить кандидатов усложненными заплатами, но члены родительского комитета своим демократическим большинством отвергли ее вредное предложение.

Так вот мальчик этот, готовясь к первому экзамену, составил, чтобы избежать всякой случайности, двадцать сочинений на наиболее возможные темы по русской литературе. Каждое сочинение он сплел в микроскопический томик с винтажом и библиографическим наивком на обложке, чтобы не запутаться. Двадцать лингвистских томиков можно было сжать в ладони одной руки.

Он успешно написал свое сочинение, но, видно, перетумсялся. На следующих экзаменах он хотя и правильно отвечал, но говорил слишком тихим голосом, а главное, задумливался и, что уже совсем неприятно, вдруг возвращался к сказанному, уточняя формулировки уже после того, как экзаменатор кивнул головой в знак согласия.

Когда экзаменатор или, скажем, начальник кивает тебе головой в знак согласия с тем, что ты ему говоришь, так уж, будь добр, зайдя дальше, а не возвращайся к сказанному, потому что ты этим самым ставишь его в какое-то не вполне красивое положение.

Получается, что экзаменатору первый раз и не надо было кивать головой, а надо было дожидаться, пока ты уточнишь то, что сам же высказывал. Так ведь не всегда уточняешь. Некоторые могли даже подумать, что, кивнув первый раз, экзаменатор или начальник не подорожали, что эту же мысль можно еще точнее передать, или даже могли подумать, что в этом есть какая-то бесприщипность: мол, и там кивает и тут кивает.

Сам не замечая того, он оскорблял комиссию, как бы снисходял до нее своими ответами.

В конце концов было решено, что он занался за время долгого пребывания в кандидатах, и на двух последних экзаменах ему на балл снизили оценки.

Вместо него и получил золотую медаль и зонтиком по шее от его малючки на выпускном вечере. Вернее, не на самом вечере, а перед вечером в раздевалке.

— Негодяй, притворяющийся лентаем! — сказала она, увидев меня в раздевалке и одеревяя зонтик. Мне бы промолчать или по крайней мере потерпеть, пока она повесит свой зонтичек зонтик.

Все же он получает серебряную, — сказал я, чувствуя, что мое утешение должно ее раздражать, и, может, именно потому утешая.

— Мне серебро даром не надо, — пропела она и, неожиданно вы-

такую работу, несколько раз мазанула но по шее мокрым зонтиком. — Я три года проточала в комнате!

Она это сделала с такой злобой, словно то, что она мазанула но по шее зонтиком, ничего не стоит, что, в сущности, шею мою надо было бы перешить.

— А я вас прощаю torchать? — только и успел я сказать. Снава богу, на ребрит никто ничего не заметил. Но все равно надо обидно. Особенно надо обидно, что я мокрый. Если б сухой, не так было бы обидно.

В тот же год я поехал учиться в Москву, а самую медаль, которую я мне не видел, несколько месяцев привел к себе прямо на работу. Она оказалась ее знакомому зубному технику, чтобы убедиться в подлинности золота.

— Снавал, настоящее, если оно не заодно с нимки, — рассказывала она мне на следующий год, когда я пришел на кинкувы.

Так доставшаяся мне была и образ Оттаволенского Гегеля, я пришел к золотой медаль, хотя и получил мокрым зонтом по шее.

И вот с аттестатом, защитим в кармане вместе с деньгами, я сел в поезд и поехал в Москву. В те годы поезда из наших краев шли до Москвы трие суток, поэтому для удобства выбора сиденья, а будущая профессия была достаточно, и я остановился на философском факультете университета. Возможно, выбор определило следующее обстоятельство.

Года за два до этого я обменялся с одним мальчиком книгами. Я ему дал «Приключения Шерлока Холмса» Коуана Дойла, а он мне — один из разовых томов Гегеля, а также пометки по шее. Я уже знал, что Гегель — философ и героя, а это в те времена было для меня достаточно солидной рекомендацией.

Так как я тогда еще не знал, что Гегель для чтения трудный автор, я читал, почти понимая, что в нем не было ничего из дилеттантских, непонятных словари, а их просто пропускал потому что и без них было все понятно. Позже, ух ях в институте, я узнал, что у Гегеля, кроме рационального зерна, немало идеалистической шелухи разбросано по сочинениям. Я подумал, что абзацы, которые я пропустил, скорее всего и содержали эту шелуху.

Вообще я читал эту книгу, раскрывая на какой-нибудь стихотворной цитате. Я обчитывая вокруг нее некоторое пространство, стараясь держаться воле нее, как верблюд воле оазиса. Некоторые мысли его удивили меня высокой точностью попадания. Так, он назвал самую рабскую жажду, что было похоже на правду, и я поспрашивал это лапкинчик, чтобы в будущем по ошибке не написать бабеля.

Не испытывая никакого особого трепета, я пришел в университет на Моховой. Я подылся по лестнице и, следуя указателям бумажных знаков, вошел в здание, где в первом этаже сидели студенты, а во втором сидели разные люди, за некоторыми — довольно юные женщины. На каждом столике стоял плакатик с указанием факультета. У столиков толпились выпускники, томясь и медля перед сладкой документом. В зале стоял дух голосов и запах школьного пота.

На столике с названием философского факультета сидел довольно пожилой мужчина в белой рубашке с грозно закатанными рукавами. Никто не толпился воле этого столика, и тем безудержней я пересек это пространство, как бы выжженное философским скептицизмом.

Я подошел к столику. Человек, не шевельваясь, досмотрел на меня.

— Откуда, юноша? — спросил он голосом, утлым от философских побед. Примерно такой вопрос я ожидал и претупил к назначенному диалогу.

— На Чегема, — сказал я, стараясь говорить правильно, но с акцентом. И нарочно назвал девушку в белом, и не говорившая мне кем была, чтобы сильнее обрадовать его дремучестью происхождения. По моему мнению, университет, носящий имя Ломоносова, должен был особенно радоваться таким людям.

— Это что такое? — спросил он, едва заметным движением руки останавливая мою попытку положить на стол документ.

— Чегем — это высокогорное село в Абхазии, — доброжелательно разъяснил я. Пока все шло по назначенному диалогу. Все, кроме радости по поводу моей дремучести. Но я решил не давать сбить себя с толку мимолетной холодностью пришедшей в тот момент высказавшейся высказавшейся Чегема, не такой уж высотогорный, наш мамки Чегемчик. А с превеликой холодностью, а с превеликой высотогорностью; в конце концов, думал я, он не сможет долго скрывать радости при виде далекого гостя.

— Абхазия — это Аджария? — спросил он как-то рассеянно, потому что теперь сосредоточил внимание на моей руке, держащей документ, чтобы вовремя перевернуть мою очередьную попытку положить документ на стол.

— Абхазия — это Абхазия, — сказала я с достоинством, но не закочично. И снова сделала попытку вручить ему документ.

— А вы знаете, какой у нас конюрек? — снова остановил он меня вопросом.

— У меня медаль, — расплылся я и, не удержавшись, добавил: — Золотая.

— У нас медаль тоже много, — сказал он и как-то зашевелился, залестелся бумагами, задвигая ладонями стола: то ли искал вышестоящий список медальстов, то ли просто пытался погруснеть — ვრუდ.

— А вы знаете, что у нас медаль только по-русски? — вдруг спросил он, бросив шестнадцать бумагами.

— Я русскую школу кончил, — ответил я, незаметно убирая акцент. — Хотите, я вам прочту стихотворение?

— Так нам на филологической! — обрадовался он и кивнул: — Вон тот столик.

— Нет, — сказала я терпеливо, — мне на философский. Человек погруснет, и я понял, что можно положить на стол документа.

— Ладно, читайте. — И он вяло потянулся к документам.

Я прочел стихи Брассова, которого тогда любил за шестерсть звуков.

И глухо близился к кону,
И бывший друг пришел к кровати
И борца слова пролетный.
Меня улыбка.

И правильно сделал, — сказал он, подняя голову и посмотрев на меня.

— Почему? — спросил я, оглушенный собственным чтением и еще не понимая, о чем он говорит.

— Не заводите себе таких друзей, — сказал он и не без юмора.

Все еще опешив своим раскритиком, я сажу карликовой порывающего коварства, а его не понал. Я растерялся, и, кажется, это ему понравилось.

— Поиду узнаю, — сказал он и, шлепнув моу документа на стол, подылся, — кажется, не так есть разнарядка.

Все еще только он сидел, я взял свои документа и покинул университет. Я обиделся за стихи и разнарядку. Поскажу, за разнарядку больше обиделся.

В тот же день я поступил в Библиотечный институт, который по дороге в Москву мне успешно рассказывала одна девушка из моего вагона.

Если человек из университета все время давал мне знать, что и не дотягивая до философского факультета, то здесь, наоборот, человек из приемной комиссии испуганно мергет мой аттестат как слишком крупную для этого института и потому подпорченную купурю. Он приосмаивался, а остальные студенты только заглядывали мне в глаза, бы понимая и даже отчасти сочувствуя моему амвелсу и проса в ответ на его сочувствие провистить ветреное сочувствие и хотя бы немного раскритиковать это замесца. Я и не раскрывал замесца, и человек куда-то вышел, потом снова и, тяжело выдохнув, сел на место. Я мрачнел, чувствуя, что перепалачиваю, но не знал, как и в каком виде можно выдуть разнарядку.

— Хорошо, вы приняти, — сказала мужнина, не то удрученный, что меня нельзя прямо сдать в милицию, не то утешенный тем, что после моего ухода у него будет много времени для настоящей проверки документа.

Этот прекрасный институт а то время был не так популярен, как сейчас, и я был чуть ли не первым медальником, поступившим в него. Сейчас Библиотечный институт переименован в Институт культуры и пользуется у выпускников большим успехом, что еще раз напоминает мне о том, как бывает важно вовремя смонтировать выпуск.

Через три года учебы в этом институте мне пришлось в голову, что проще и выгодней самому писать книги, чем заниматься классификацией чужих книг, и я перешел в Литературный институт, обучающий писательскому ремеслу. По окончании его я получил диплом инженера-человечески душой сражай и квалификацию и стал осторожно проламываться в литературу, чтобы не обрушить на себя ее крупнее и вместе с тем увесистее своды.

Москва, увиденная впервые, оказалась очень похожей на свои бесчисленные снимки и киножурналы. Окружности города и нашел красные вышки, возвышавшиеся над городом, как позорный опущенные безащитности. От обилия красной простоты почему-то устанавлива спина. Иногда хотелось прислониться к какой-нибудь горе или даже спрятаться за нее.

Москвичи обрадовали меня своей добротой и гостеприимством. Как потом выяснилось, и их гостеприимство было гостеприимством. Они были и были со своими характерами. Людям нравятся назимые люди. Назимые люди дают нам возможность перенести оборонительные сооружения, направленные против них, на более опасные участки. За это мы испытываем к ним фрегатическую благодарность.

Кроме того, я заметил, что москвичи даже в будни едят гораздо больше напшек, со своейвонной им гостеприимство оправдывая эту особенность, что наши по сравнению с москвичами едят гораздо больше зелени.

Единственная особенность москвичей, которая до сих пор осталась мне в памяти, — это разнарядка, которую они носили. У них было и было много. Вывало, сидишь у знакомых за чаем, слушаешь устные московские разговоры, тикают стальные часы, лопочет репродуктор, но его никто не слушает, хотя почему-то и не выключают.

Тшш! — выключают репродуктор, хотя кто-нибудь и подымает голову к репродуктору. — Почему?

Все, затая дыхание, слушают передачу, чтобы на следующий день удичить ее в негодности. В первое время, услышав это тревожное: «Тшш!» — я вадралня, думая, что начинается война или еще что-нибудь из жизни катастрофического. Потом я думал, что все идет какой-то особенной, несладкой по своей приятности погоды. Потом я заметил, что несладкая по своей приятности погоды как будто бы тоже не ждуг. Так в чем же дело?

Можно подумать, что милицион москвичей с утра уходят на охоту напшек в район, а москвичей никакого подозрения, чтобы даже им на полемые работы. Ведь у каждого на работе уходят над головами. Ведь нельзя сказать, что такой исполняющий, интуитивный в своем постоянстве интерес к погоде объясняется тем, что человеку надо прожегать до троллейбуса или до жетей. Согласитесь, это было бы довольно странно и даже недостойно жителей великого города. Тут есть каа-то тайна.

Именно с целью изучения глубинной причины интереса москвичей к погоде и несколько лет назад переселился в Москву. Ведь мое истинное правление — это открываться и пообрывать.

Тшш! — выключают репродуктор, а москвичей никакого подозрения, чтобы даже им в своем присутствии свободно проявлять свой гостеприимный интерес к погоде, я и сам делаю вид, что интересуюсь погодой.

Ну как, — говорю, — что нам передают новости погоды? Ветер с востока?

— Нет, — радостно отвечает москвичка, — ветер юго-западный до умеренного.

— Ну, это до умеренного, — говорю, — это еще терпимо. И продолжаю наблюдать, ибо всегда открытие требует терпения и

Мне сидеть мертвенно бесшумный,
Почти никак не меняя мотылькой,

наблюдательности. Но чтобы открывать и изобретать, надо зарабатывать на жизнь, и я пишу.

Но вот что плохо. Читатель начинает мне навязывать роль юмориста, и я уже сам как-то невольно доиграваю его. Стоит мне выйти за что-нибудь серьезное, как я вижу лицо читателя с выражением добродетельного терпения. И тогда, конечно, когда я наконец начну по шмее.

И крыльцо, но это выражение добродетельного терпения меня все-таки подталкивает, и я по дороге переставляю и делаю вид, что про серьезное я начал говорить нарочно, чтобы потом было еще смешнее.

Вообще я мечтаю писать вещи без всяких там лирических героев, чтобы сами участники описываемых событий делали, что им заблагорассудится, а я бы сидел в стороне и только поглядывал на них.

Но чувствуешь, что пока не могу этого сделать: нет должной культуры. Без нее мы с вами человек не обладаем, что тебе заблагорассудится, мы имеем в виду, что ему заблагорассудится делать что-нибудь приятное для нас и окружающих. И тогда это приятное, сделанное как бы нашей подсказки, делается еще приятней.

Но человек, которому доверили такое дело, должен обладать житейской сметой. Если он ею не обладает, ему можно заблагорассудится делать неприятные глупости или, что еще хуже, вообще ничего не делать, то есть пребывать в унылом бездействии.

Вот и приходится ходить по собственному сюжету, приглядывая за героями, стараясь изобразить их примером собственной бедности:

— Веселые ребята!

В понимании юмора нет полной ясности.

Однажды на телеэкране «Адмирал Нахимов» я ехал в Одессу. Выл чудесный сентябрьский день. Солнце крохотное светило, словно маленький везулейный вагончик в благословенный город Одессу, выдуманный могучим вельможей Вагелем.

Я стоял, склонившись над бортовыми поручнями. Нос корабля плавно разогнулся и отбрасывал взрыхленные воды. Пенные струи проносились под водой, издавая соблазнительный шорох таковой пены свежего бочкового вина. Но тут ко мне подошел мой читатель и тоже склонился над бортовыми поручнями. Пенные струи продолжали проноситься под нами, но восстанавливая ощущение тающей пены свежего бочкового вина больше не удавалось.

— Простите, — сказал он с понимающей улыбкой, — вы — это вы?

— Да, — говорю, — я Заур Дискусрийский.

— Я, — говорит он, все так же понимающе улыбаясь, — вас сразу узнал по колочу.

— То есть по какому колочу? — заинтересовался я и перестал слушаться юмора.

— В журнале печатались статьи с вашими портретами, — объяснил он, — где вы сняты с этим же колочом.

В самом деле так оно и было. Фотограф одного журнала сделал с меня снимок, и с тех пор в нем, насколько лет давал мой рассказ по снимкам из этой серии, где и выглядел неузнаваемым, а главное, нестаревшим женском с обрубчатым колочом, выставленным вперед, подобно тому, как раньше на деревенских фотографиях выставляли вперед запястье с фибрилатом часам на коточках, если приглядываться, можно было узнать точное время появления неабсолютного снимка.

И уже было совсем собрался поругаться с редакцией за эту рекламу, но тут обнаружилось, что реликвия больше не собирается меня печатать, и моя наблюдательность отношения отшла сама собой.

Пока я предавался этим не слишком веселым воспоминаниям, читатель мой пересказывал мне мои рассказы, упорно именуя их статьями. Дойдя до рассказа «Детский сад», он прямо-таки стал захлебываться от хохота, что в значительной мере ухудшило мое настроение.

Честно говоря, мне этот рассказ не казался таким уж смешным, но если он читателю показывался таким, было бы глупо его разругивать в этом. Уподобляясь ему, пересказываю содержание рассказа.

В саду детского сада росла груша. Время от времени с дерева падали переспелые яблоки. Их подбирали дети и тут же поедали. Однажды один мальчик подобрал особенно большую и красивую грушу. Он хотел ее съесть, но воспитательница отобрала у него грушу и сказала, что она пойдет на общий обеденный котлетник. После некоторых колебаний мальчик решил, что если его груша пойдет на общий котлет,

Выхода из детского сада, мальчик увидел воспитательницу. У него шла дом. В руке она держала сетку. В сетке лежала его груша. Мальчик побежал, потому что ему стыдно было встретиться глазами с воспитательницей.

В сущности, это был довольно грустный рассказ.

— Так что же вас так рассмешило? — спросил я у него.

Он снова затронул на этот раз о беззастенчивом смехе и махнул рукой — дескать, хватит меня разглагольствовать.

— Неужели вы не понимаете, — сказал я.

— Неужели? — спросил он и слегка вынул свои и без того достаточно выпуклые глаза.

— В самом деле, — говорю я.

— Так если воспитательница берет грушу домой, представляете, что берет директор детского сада? — почти выкрикнул он и снова расхохотался.

— При чем тут директор? О нем в рассказе ни слова не говорится, — возразил я.

— Почему и смешно, что не говорится, а подразумеваются, — сказал он и как-то странно посмотрел на меня своими выпуклыми, недоумевающими глазами. Он стал объяснять, в каких случаях бывает смешно писать о чем-то, а в каких случаях можно говорить не смешно. Здесь именно такой случай, сказал он, потому что читатель по рассказу понимает, что директор, если он грушу берет директор, что при этом откатывается от груши воспитательница.

— Выходит, директор берет арбуз, если воспитательница взяла грушу? — спросил я.

— Да нет, — сказал он и махнул рукой.

Рагавор перешел на посторонние предметы, но я все время чувствовал, что арювил в его уду такую-то омовини, боюс, что творческие планы. Во время такой беседы выясняется, что он работает техником-механиком. Я спросил у него, сколько он получает.

— Хватает, — сказал он и общезно добавил: — С мяса всегда что-то имеешь.

Я рассмеялся, потому что это прозвучало как фатальное свойство белковых соединений.

— Что тут смешного? — сказал он. — Каждый знает фатальное.

— Это тоже прозвучало как фатальное свойство белковых соединений. Я хотел было спросить, что именно он имеет с мясом, чтобы установить, что имеет директор комбината, но он решил, что это неинтересно. И теперь его раздражал тем, что открыл ему глава на его более глубокое понимание смешного, и я то же время сделал это нарочно слишком поздно, чтобы он уже не смог со мной состязаться. В конце пути он сурово взял у меня телефон и записал в дневнике.

— Может, позвоню, — сказал он с намеком на вызов.

Каждый день, за исключением тех дней, когда меня не бывает дома, я закрываю у себя в комнате, закладывая бумагу в свою маленькую прозорливую «Колibri» и пишу.

Обычно машина, несколько раз воль потюкава, надолго замолкает. Домашние делают вид, что стараются создать условия для моей работы, и делают вид, что работают. На самом деле в это время я что-нибудь изобретаю или, склонившись над машинкой, прислушиваюсь к телефону в другой комнате. Так деревенские свавилы в шашках играют, склонившись над доской. Но тут я слышу голос женщины, прислушиваясь, где стукнет ушащий лод, чтобы вовремя к нему подбежать.

Дело в том, что лодча мо же прислушивается к телефону и, если успевае раньше меня подбежать к нему, то ударом кулачка по трубке лодчо отключает его. Она считает, что это такая игра, что, в общем, не лишено смысла.

О многих своих открытиях ввиду их закрытого характера, пока существующих враждебный лагеря, я, естественно, не могу рассказывать.

Из открытий более или менее гражданского характера могу назвать изобретенный мной метод «шкотовый выволакивание тещи», целиком основанный на учении Павлова об условных и безусловных рефлексах. Применение его требует наличия тещи, что само собой разумеется, а также званого ребенка. Если у вас есть ребенок и теща, то, безусловно, воспитание и понимание ребенка занимается она. И так как она все-таки недовольна вашей энергией любви вкладывает в этот процесс, у ребенка быстро вырабатывается прочное отвращение к еде, с которой она вступает в единство.

И вот утром, когда теща грозно высказывает рядом с вашим ребенком и начинает свое «содать рисовую кашей или есть чем-нибудь, вы тихо уступаете, не противясь и следите.

Время от времени вы, как бы забываясь, невольно повторяете действия ребенка, притворяетесь вместе с ним рог, делаете глотательное движение, кротко подчеркивая бесплодность своего глотательного движения.

Ребенок начинает обращать на вас внимание. Он чувствует, что ваши действия направлены против общего тирана, хотя осознает, в чем их смысл, не может. Теперь он смотрит на вас, то на тирани. И если теща кричит и делает вид, что ничего не замечает, он прямо обращает внимание на вас.

Теща начинает нервничать и бросать на вас взгляды, в которых фрейдистская ненависть еще прикрыта маской педагогического урона. На это вы ей отвечаете грустным взглядом и вырванным полемикой покорности, а также пожиманием плеч в том смысле, что вы ничего не просите, вы только смотрите, и все. Атмосфера накаляется.

И вот после очередных мифологических угроз или откровенного шантажа, когда семья ненавистная ложка проталкивается ребенку в рот, вы говорите таким голосом:

— Если она (или он) не хочет, можно, я доем?

Омненет от возмущения, теща молча смотрит на вас взглядом Петра, глядящего на изменника-сына с известной картинке Ге. По она еще может оприваться, а этого не следует делать. Если же теща не возражает, если не хочет, — разясните ей свое предложение, — а если хочет, пусть ест...

Она терпит сознание, вы ее быстро подхватываете и бержете, я подчеркиваю, бержете, потому что некоторые это делают грубовато, е прислоняют на кровать. Теперь до обеда вы спокойно можете заниматься своими делами.

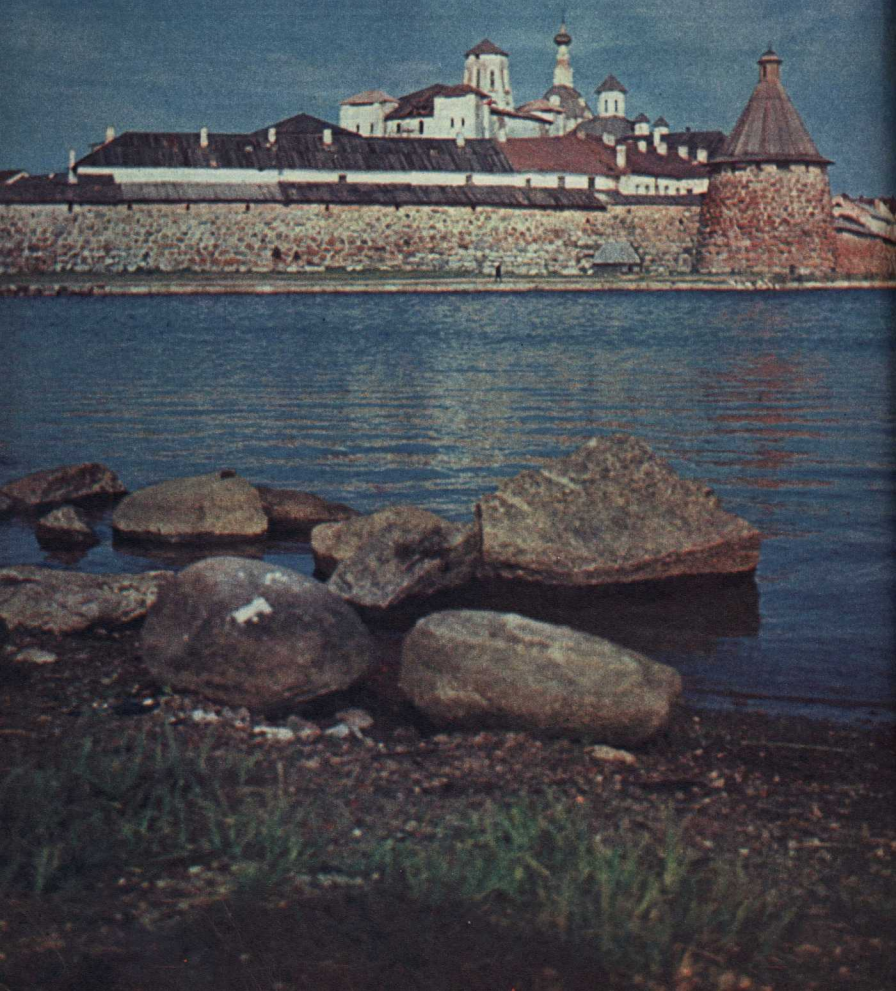
Должен сказать, что в последние время я стал раскисывать в открытии и распространении этого метода. Передо мной со всей остротой встал вопрос о нравственной ответственности человека, бросающего в массы неверную идею. Только инстинктивным подходом к вопросу чешеском отрезке она играет в семейной жизни самую прогрессивную роль.

В сущности, ведь теща и есть наша истинная жена. Она нас кормит обедами, она следит за домом, она воспитывает детей и одновременно учит нас жить. Мало всего этого, так она же для наших любимых усад отдает нам собственную дочь. Так вот благодарной и жертвенной, чем она? Никто.

Что касается юмора, то и тут у меня есть ряд ценных наблюдений. Я полагаю, чтобы овладеть хорошим юмором, надо дойти до крайнего pessimизма, загнать в мрачную беду, убедиться, что и там ничего нет, и потихоньку возвращаться обратно. След, оставленный этим обратным путем, и будет настоящим юмором.

Красота
родной
земли

На остро



Всеволод АРСЕНЬЕВ

Фото автора



КРЕМЛЬ

Прилетели мы на острова в последний день лета. Крошечный самолет несколько раз подпрыгнул на почковатом поле и замер. Прямо от его двери на запад, к дальним штарам кремля, уходила мягкая разбитая дорога. Наистрону нам по колдобинам, по пыльным всплескам несмесь девочки с местным ведром. Ведро было полно пупырчатыми морскими звездами. Одна звезда шлепнулась в пыль, словно джигонный орден. Но девочка не остановилась, лишь стала меньше болтать свои посудинки.

Во дворе кремля, опершись на боковой с дождевой водой, повисдел бородастый парень. Борода его курчалась. По цвету и по фантуре она вовсе не отличалась от мохнатого свитера, свисающего до колена.

Бородач лежало, без интереса оглядел нас, сплюнул в бочку окурков и, будто все уже было оговорено заранее, предложил:

— Ну что, поехали! Всего-то по полтора рубля с носа...

Оназались он нем-то вроде бригадира. Команда его на Завских островах гребет водоросли. Ребята одиночки, обиделись от воюк водорослей, тресковой ухи и однообразия добычи. Давно мечтают гульнуть, но средства не позволяют. Так что он командирован вместе с Бордасом и должен рассказать здесь в кремле, доминируя экскурсантам. За полтора рубля — прогулка по морю, всяческие пейзажи и прочее. Можно даже и сновещать...

Отназались. Странно было бы вот так — сразу — куда-то ехать. Да и кремля мы еще не видели. Снаружи только — две-три башни...

— А то смотрите. Полтора рубля с носа... — без всякой надежды повторил бородач, уныло устранившись в бочку переживать очередную неудачу. И видимо обидевшись за свои рубя, за Завские острова и за неизвестные пока нам красоты, которые

он мог бы как хозяин показать и обьяснить, пробурчал:

— Кремль — еще не Соловки...

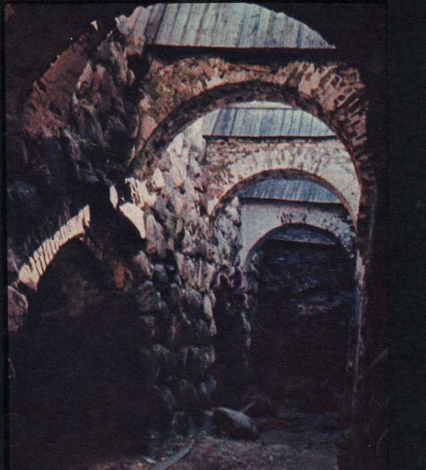
Браза это, помню, вызвала тогда у меня раздражение. Но спорить казалось смешным; так нелепо она прозвучала посреди монастырских строений, башен и стен, закрывавших отсюда со двора, все море и еще полнеба.

Кремль был огромен и неуютлив. Наверное, как жилье он всегда был неуютлив. И тогда, когда, заново оштукатуренный и забеленный, окружал стенками большую монастырскую братию. Когда расхаживали по дворам ручные чашки, вертели мельничные жернова, полинились вареном чаем и запях горячего хлеба мошало.

Острова сивь Святого Петра, сиявая неба... Русский союз...

Солонцевский колодезь. Ужасная, тирис ударил, и жонкий металл — раз, брызгой — на счастье; чтоб еще раз вернуться сюда...

Най армян западной минастемской стены, всегда егерьки.



100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА БЫЛ ПОСВЯЩЕН 3-Й ВСЕСОЮЗНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ БРАТСКИХ РЕСПУБЛИК, КОТОРЫЙ ПРОХОДИЛ ЛЕТОМ ЭТОГО ГОДА В АЛМА-АТЕ.

«СМЕНА» ЗНАКОМИТ СВОИХ ЧИТАТЕЛЕЙ С ТРЕМЯ УКРАИНСКИМИ ПОЭТАМИ — УЧАСТНИКАМИ ФЕСТИВАЛЯ, ДВАДЦАТИДУХЛЕТНИЕ БОРИС ЧИП И ЛЮДИЛА ОВДЕНКО — ЖУРНАЛИСТЫ ИЗ РАЙОННЫХ ГАЗЕТ НА ПОЛТАВЩИНЕ. МАРИЯ ПАВЛЕНКО — ИНЖЕНЕР КОНСТРУКТОРСКОГО БЮРО ЖИТОМИРСКОГО ЗАВОДА «ЩИТ-АВТОМАТИКА».

ВСЕ ОНИ МОЛОДЫ, ТАЛАНТИВНЫ, ВПЕРЕДИ У КАЖДОГО ИЗ НИХ ТВОРЧЕСКАЯ РАБОТА, ОРИЕНТИРЫ КОТОРОЙ ОПРЕДЕЛИЛ ФЕСТИВАЛЬ.



Сердце больно не дрогнет привычно,
Если вспоминать вдурю о былом,
Для чего ж, ардеюлет мой личный,
Ты копаешься в прошлом моем!
Знаю — дело твое не из сладких,
Так зачем же искать ты готов
Застывшихся чувств отпечатки,
Пересыхшие
Русла слов!
Черной кривды,
Лохмотья одежды,
Черемки позабытых мук,
Башины дум,
И осколки надежды,
И лнаны предавших рук!
Затверделость, оставших обаяний,
Красный полем истлевших роз,
Заржавевшие гильзы проклятой
И стекляшки бессиельных слез!
Как ты выйдешь из этого круга!
Как помышь, что однажды, в зенит,
Где грузно легли друг на друга,
Все было отлив в антрацит!
Будь же счастлива, любящий, и весел
И не мучь подозреньем меня,
Антрацит — это воюсе не пепел,
Антрацит — это воюсе не пепел,
Антрацит —
Бог огия!



Колокола

Колокола
Уляли с колокольни,
Как на дороге падают невольники,
Давно забывший
Вкус и запах хлеба...
Колокола
Набиты сниким небом,
Веселым солнцем,
Звездами, ветрами,
Молитвами и вдвоим слезами.
Пока звук их
Здесь многих обвенчал,
Пока самих твоих не развенчал
За то,
Что лицемерно служили,
За то,
Что так неискренне тужили,
Когда вокруг святые умиралы,
За то, что век
И смиренно призывали!
Колокола в цехах сейчас отравят,
Там разобьют,
И на огне расплавят,
И отольют
Из сутн их покорной
В атаку поднимающие горни!

ся с ароматами сохнувших морских берегов.

Монастырь, крепость, тюрьма — каждое в отдельности не строится для людского уюта. Сошедший городок был сраи и крепостью, и монастырем, и тюрьмой. Из века в век перемалывала человеческие судьбы, била ярданы в подступавшие неприятельские битвы и грозы, а маленьким мешкам бутвиночек, сторожил российский Север, отбывая полкони, обивала Беломорье.

Но пришло время, и стал он не нужен. Отпала необходимость в святой обители и крепосте посреди мелкого моря. В тишине и при людском забвении стал крошечный поселочек рушиться. И одновременно повозражался к миру другим коком — становился паянником, полным еще грозной силы, удивлявшая дерзостью природой и линией.

Теперь ездят на острова студенты-реставраторы и, подобно старым мастерам, сотворившим эти удивительные постройки, восстанавливают соловецкие памятники.

По краям мы бродили с Алексеем — моим спутником и другом — большими чашечками порозин. Он привык смотреть то, о чем уже читал в путеводителе и никуда. Хотел знать, для чего и кем повержена вот эта дыра или уловлен вот тот камень. А я любил погортаться среди наземных теремов, башен, ворот, переходов и не теряя надежды, что вот, за поворотом, поднимает меня несказанно и неведомое чудо. [Именно поэтому терпеть не могу экскурсий, где все разную и палочком тынут на что смотреть, а на что — не надо, так как это не представляет интереса.]

Зато потом, когда все уже пройдено и рассмотрено, тогда появились свои привязанности, можно сесть с топкойми нигойи и снова, уже на старинных или знаменитых местах. Случается, что одна фраза, пролетая...смикавшая извая связала крепкие, окаменевшие до гранитного свонства ирчилик новгородского дела. И —

миговинно перенесет в дальние времена и нитки не примочателыа красной кирпичной стена заломитесь надоло.

Изнутри крепость смотреть трудно. Размеры цинкопильных строений заставляют пятиться и крепостными стенами. Лишь отступ, издалека, можно разом увидеть соборные здания от огромных валунов цоноля до плавно-огончат в голубые кроветы. Лучше подняться на Преображенский собор, который врезался в небо косыми замковыми стенами, или по приставным лестницам забраться на самую верхушку Прядильных башен. Открывается тогда почти весь зеленый монастырский двор. Расчерчен он полосами дощатых кровель, легкими полипропиленовыми дорожечк, соединяется с морскими заливами, гладью Святого озера и удаленными перелесками, вострой свою монументальность, тянутся в островные земли естественно и просто. Пожалуй, только отсюда, с высоты, да еще со стороны моря заметно, как ловко поставили все деревянные — лодиче, приспособива беспорочные монастырские колоды и прозрачным глубинам студеных вод и просили лесов...

Однажды утром мы навьючили рюкзаки и небестро, прикица и рюкзак, двинулись на север. Прошлагали по деревянным тротуарам и мило гавани, вышли на проселок. Срядк природоронных мустарников выжились на пути проволочат, комнесте водоросли. Незнакомый розкии их запах долго сопровождал нас, перерывая привычные ароматы хвои и прудой листвы. Жара стала отлаива-на, словно солнце пожелало встать на летнюю службу. Озера манияи прохладно...

У НОВОЙ СОСНОВКИ

Однажды утром мы навьючили рюкзаки и небестро, прикица и рюкзак, двинулись на север. Прошлагали по деревянным тротуарам и мило гавани, вышли на проселок.

Срядк природоронных мустарников выжились на пути проволочат, комнесте водоросли. Незнакомый розкии их запах долго сопровождал нас, перерывая привычные ароматы хвои и прудой листвы. Жара стала отлаива-на, словно солнце пожелало встать на летнюю службу. Озера манияи прохладно...

Завидев в стороне очередное озеро Лешия на ходу разворачивал «Солнце» и, делая поворот, в дилиторский тонном зачитывала абак — что это за озеро и чем знаменито. И как-то так получилось, что в конце все озеро, большое и малое, были необычайной красоты. В соеи мнени, мы поначалу поминис в комонии зоросил, хлопотали по болотам и каждый раз убондальнее насчет красоты все верно. Потом с дороги на сверчкачли, принимали шишу на веру и задерживались читать у разливаи дорог. Впередк нем молоденьких безрез липовые горы.

Две недели спустя, покидая Соловки, я снова — но уже с моря — за десяток верст увидел эту гору — Сеняику. В остринном чистот просторо она поднималась несомно и плавно над низкими островными землями, заглядывала за горизонты светлым глазом маяка.

Здесь же, рядом, была она чуть

Соловецкие каналы смундиси, их берега заросли молодыми лесами, и порой приходится вылезать веслами по черничным кустам, склоняющимся над водой, но вадина.

искусственной средой равнинных лесов, призрачной и чистенькой. На вершине белой стобри — шарушати. Картина напоминала платон пусок, и мы обошли стороной и гору и церковь.

Зачеючась у Новой Сосновки на носе где ворвались чашечки дорача. На упером Брусничнике поставили палатку, запаляли ностер и огляделись. Остров здесь уходил под воду. Море зарпало в лесные чащобы бухтами и озерами. В километре справа виднелось у берега деревянные постройки. Там были люди. Трещали моторы, слышались хохот и вопли, слышны носатые широкие лодки.

Когда-то стояла тут монастырская пустынь с часовней. Потом рыбацкое поселение. Моряки добавили знаменитую соловуюцкую сельдь — рыбу небольшого, удивительно нежного.

Теперь обитали в Новой Сосновке соборники водорослен. Их лодки ма-



Слово Ярослава Мудрого к сыновьям

Вы думаете, Мудрым зря
сверстат!
Вы думаете, мудрым быть легко!
Пройти сквозь ложи,
Хитрить, юкоть
И видеть далеко!
Мой час все блике.
Долгим ночам
Я чувствую, что скоро
он пройдет.
Умру ли сам!
Иль враг меня убьет!
Иль друг задумит теплым
руками!
Здесь —
Двор родной дарам разлагает,
Там — печенег,
Там — лях,
Там — ярьед,
Все Русь сваяту
Со своит рамам *

Сегодня я
На ваши возглавою.

Смы мои!
Пусть эти мои речи
Воудут в сердца ваши,
И дух даришь и плоти!
Не дайте Русь родую
Онемить,
Ни разорить,
Ни чужез.
Ни расколоти!
Но если враг
На нашу Русь нагрянет,
А вы в пирахи забудете ее,
Ваметесь Русь,
Из смертных мук
восстанет

И нас самих
Отправят в небытие!

...Канни в прахом
Ныне их азвоются,
И ярво в Русь,
И свито ярво в Русь!

* Рамаз — плеч (ушр).

Перевел с украинского
Вадим КУЗНЕЦОВ.



О мой день,
О тревог полосатый,
Могучей и добрый, как малый
Я спاته пред тобой внимаю,
Но сумею о тебе написать.

На буяне пустыню и бело,
Как зисмо на дальня луку,
Чубы мыслии свое болено,
Так писате я еще не могу.

О мой день —
Золотое раздолье!
Всем из кнз вастья и мук,
Как хочу я
Быть хлебом и солью
На ладонх нагрнуженных рук!



...А капли вина,
Как капли добра,
Стоит струя,
Смеется домбра.

И я — вядру не я,
И я вядру струна.
Уярять бы коня —
И в страме!

Чтб стала ковыль,
Чтб локаз в груди,
Чтб мука, как пыль,
Улеглась позади!

Аркан как змея
На шее коны,
И я ук не я,
И я ук — не я.

А капли вина,
Как капли добра,
Смеется струна,
Плечет домбра...



Мени прошлн
Наскозь вершину,
Во мие арым
Запели снова.

А ты наивыставишь
«Черемшину,
По-украински
Из змеи не слова.

А твои очи,
Как две пустыни,
А мои губы
Горят от жажды.

И в сердце
Чувство такое стынет,
Что это было
Уже однажды.

И конской топот
Тревожной ночью,
И безнадяность
Птичьего крика,

И рыдом очи,
И родные очи,
Как две пустыни,
Как два арыма...

янки у недалеких люд и возвраща-
ется к пристани тяжело грузинским.
— Чем ближе к берегу, тем больше
показ и умиротворение было в про-
сторах белесой воды. Морю чуть слыш-
но трогало берега, перебрав лишь
самые мелкие галыши. С легких по-
лои надувались теплые воздушные
волны, носвые запахи грибов и су-
хих трав. Из дзенного небытия одна
за другой возвращались звезды.

В Новой Сосновке присутств. Го-
род так жесток. Назвенье произнесо-
вник хурачнина. Потом костер по-
гас, и сразу кто-то молодого и смелого
запел в ночи. С этим голосом ото-
рпнувшись на макс произвольное ще-
мящее чувство, будто вы уже расста-
вались, греяли что то удивительно
родное, так неожиданно найденное
на самом ярано большой дождли.
Проульнувшись от трюта выстрелов,
от гулких тревожных ударов в желе-
зо. Выскочили из палатки. Раздавая
тьму ночи, светло-серой пленной ви-



сел туман. Он был до невозможности
густ и нес збкую сырость по
сторонам пристани снова ударил вы-
стрел и затарател мотор но звук
о не приближался и не удалялся. С
берега протажно и глухо, как в под-
душку пронхалили: о-а-о-о-о-о-о-о-о. И
вспомнил в этом, кроме что-то остото-
го ужаса, от сознания близкой беда.
Скорее всего, в тумане заплутался
приподозвавшая лодка, и теперь про-
мчавшись в этом, кроме что-то остото-
говому мотору, чтобы дать своим то-
варцам верное направление к дому.
В Новой Сосновке были и били в
рельс.

Вздох свозича чуть сдвинул, по-
теснил туманую завесу, и мы увидели,
как сияло пелену просвечивает
оранжевый фанек. Театральные свет
самодельного маляка вдруг выхватил
из мглы силуэт креста, зажтого в вал-
духа. Поставленный здесь монахами,
этот крест слунил мореходом сторо-
жним знаком и напониал о состоянии
сословных берегов. Соснас его пере-
кладки чернели в мерцающей маре-
ве бесполозие и страшно...

Мы тоже подбрались в свои костер
побольшее сосновух лая в надежде,
что и наше пламя с моря заметят.
Принялись ждать.

Пять уток, посанства, покунтили
над водой. Сели. Слани тонко
иратьеть, окунались, чавкают и чи-
стятся.

Варуг звонить и грохотать на при-
станях порастали. И тоник уделил
окуда слова, где виднелся димет
голые острова, донесось: «...Наверх
ух, товарищи, все по местам...»

Послышалась огромными стук мо-
тора.
В Новой Сосновке всевозле замо-
норы, бранжили еще раз по железке
и хлопнули дверью. Лодка возвраща-
лась. Она еще немного пошла, а
зато нашлось место, но потом зава
зачное направление, и зыльсь с об-
легчением и озорно затяну пению
о морьяе, который слиншим дождю
плывал. А мы решили, что обязатель-
но утром, навесит работ-примис-

ловиков, познанами, а быть мож-
но, и подружился с тем кто в оло-
ту шатался по камням простора...

Но утро встало солоненным и сухим,
от ночных тревог не осталось и следа.
Лодки промышлявших уже отвале-
ливали от берега, бери муть и под-
водным плантациям. Мы собрали
чуть сыроутую палатку, долили хо-
лодную чай и денулись в островные
глубины, удаляясь от замеченных
вечера нарядом чербатым дорог, Бо-
ров и годных полос.

КАНАЛЫ

Еще в Москве полонинник Солов-
ков советовали: помещь нинкуда не
ходить, но по каналам надо проплыть.
Каналы на Соловках протянули
давным-давно. Сильзмили по ним
ладьи, груженые лесом, лесом и
еще бог выше чем. Гнали лодки и
монастыро выход самой Сочерини
гор, от озера Красноя. Теперь ходят
здесь туристские да рыбацкие по-
судины, берега позаросли мелниш и
густыи лесом, а местами денулились
каналы, что грешбь вселяли по черни-
чным кустам, целепшь зилье березки
и елочки.

В глубине вод видны ирело бии-
ные друг и дружке камни, обросшие
травина, Калын выностили не только
дно эти чудныи пугот, они и по бере-
гу тянутся старинной набережной.
Мини, намечется, обшла стороны
каналы, ни одного маляка не мсль-
нет в зеленелаты смучраных струях.

По каналам перетекают одно в
другое озера. Неподходяю лонно
ножась среди ельняков, озера начи-
нают морщиться у входов в каналы,
медленно покачивая листья нуши-
нок, а потом разом устремляются в
устье горло, торпыля проночьть по-
скорее тесной лесной коридор. И
снова разливаются широко и вольно,
замыкая, останавливаются в новых
берегах.

Длинныи ноканн бродить по кана-
лам смачно и жутковато. Вводи в

каналы, перекрытые ветвями, выплв-
дают пещеры, приставленные не-
мисти, там кто-то глухо покривает,
тяжелю повозносятся, трясет листь-
ем и всплескивает. Изредка мсла-
кнстие потоки пресекают молочно-
зеленыи полосу света. Если воле
этот мест полпрядет лодку, уда-
ми, как пронхосать мизко стреми-
тельное немие течи.

После тоненькии и тревоги каналов
горшю вновь вытиснаются на озерный
простор — в ширь с яркими под лу-
ной берегами и опронутивши в
бездну небосводозвездного неба,
у полузатопленных тиень плещет рыба и
вскричивает, засыпая, плыви. Веса
тико вздох в холоную густоту, пу-
скуют рыба, и пунный дык, загнвну
в воду, начнают мордятся в грим-
масичать.

ЭХО

Озеро, словно сады, наполненные
рыбой, нашлн случано. По знакомой
дороге шли от крестяю, но, видно, не
развезле на суда, сматривли и чрез
полоса заметили, что места пошли
чужие, неизвестные. Возвращались не
котелось, и мы шли еще и еще, остав-
ляя позлаз замесные озера, болот-
ца и моговые поляны.

Наконец, среди мертвых берег за-
голубело, трюпа взорвалась на гим-
нстичный пригород, и визну удаляли
мы воду и на немоте плыла.
Озеро приглянулось сразу. Расхле-
двали удочки, выбрали плотию покруп-
че, отошли от берега. Спустил лять
дмину порыве рыбине, чуть сонине
и прогландые. Библиа на плотовый
бrevий. А полавки, снова и снова,
едва долетает до поверхности, худол-
дит под воду.

В эхоте добываемые рыбаки не
заметили, нам опуститься сумерки.
Из лесов, сверху грбенуль елки, стал
сонситься реденький туман. Сразу по-
зднло.
Решили заночевать тут же, над озер-
ом. В осиннике на холме нашлн ста-



*Дождь прошел, и
знова погожий день.*

*Время на островах
слышно ласк...*

*Над Беломорьем —
теплое солнце.*

рое кистрище и верха ланника. Кто-то здесь раньше жил и выпил рыбу — остались натянутые веревки с прихваченной чешуей.

Алексей подошел к вешенкам, остилавшим углем закоптелый котелок с ухой. Потом достал ложку и отхлебнул на пробу. Обжегся, но все равно в восторге закрыл головой и равную: «Аве Марии!»

— «Смарья», — ответил торопливый шепот снизу, из-под холма. И чуть позже откуда-то из-за озера пророкотало низко, раздельно, с угрозой: «Аааво Ма-рин-а!»

Леса замолчали, так. Слышалось только потрескивание нашей свечи у палатки. Язычок пламени качался, и казалось, вместе с ним кланяются светозавоевые стволы осин.

Мы принались порознь и вместе кричать что-то отрывисто, короткое, вызывая из сумрака таинственные отзвуки.

Первый голос жил совсем рядом, где днем видел в три рубины с кистями блестящих ягод и где лежала сваленная старостью бородастая ель. Но мы, замирая, ждали голос второй. Он приходил издали и будто сверху был нечеловечески чист и мощен. Он не глотал и не торчал звуков, лишь понижал и усиливал их. Временами он отведчал чуть издевательски, как разговаривает с несмышляшками, но чаще грозил. Казалось, что-то жидкое и огромное стоит, погружив в озерные воды ноги-колонны, опершись спиной о побережные ели... Стоит над временным, старое Соловецкое кремля и темнее островных лесов.

Я бы, может, и не удивился, если бы в ответ на наше «Э-те-гей!» он вдруг рассказал что-нибудь, поговоренное нынче в веках, а ему знакомое и памятное. О первых, например, поселенцах, ступивших на дно земли и также пуганных собственным голосом. Или о мореходах и отчаянных людях, промышлявших во льдах барышного зверя. Как любили они, болясь, строить и разрушали, как рождались и умирали, но оставая после себя мисы. Лишь поднимались по взгоркам над морем, озерами и речушками новые кресты, распахну в изумлении оловяне руны...

Помню, как путешествуя по рекам Терского берега на севере Беломорья, я с иррациональным интересом разглядывал черные, старые кресты, поставленные неизвестно кем над порогами. Чудились мне трагические судьбы и ступенчатые жизни. И лишь потом узнал, что так поморы отмечали удачные места, где находили особенно крупные жемчуг, где в избытке нарастали раковины-жемчужницы. А кресты рубили — от собственного счастья и в память успеха.

Точно так же и Соловецкий крошил, островные пустыни и сами острова. Они издревле хранили достаточно трагедии и временами становились нарицательными в разговорах о бедлах. Но не эти славы местные земли. Самая горькая горечь перетирается и sinkнет в людской памяти. И Соловки с нашим годом все известнее...





ЩЕ совсем недавно студенчество Западного носило яркое молодежное поколение. Будущие инженеры, врачи, учителя отличались ярко выраженной склонностью к апатии и самозамкнутости, сопряженной с настоящим устремлением найти в жизни «теплое местечко». У них не обнаруживалось ни малейшей потребности и привлекательности для жадной романтики. Приглашались к студенту, социологу США, например, констатировали, что объект наблюдения предпочитает ранние браки, спешит замкнуться в споруше семейной ячейки и предаться «растительному» существованию. «Студенту вульгарно» из Старого света не имелось особых отличий от своей заморской разновидности.

Однако в шестидесятые годы пришла перемена. Митингу сонное опешенное. Весна 1968 года принесла мощную грозу в студенческие городки. От этой грозы содрогнулись не одни только университетские власти.

«Анархия, распространилась из одного студенческого городка в другой, угрожает нарушить учебный процесс в высших учебных заведениях США», — в тревоге писала одна из газет Америки. Шеф ФБР Эдгар Уорр доносит правительству: «Движение пользуется на поддержку со стороны интеллектуалов и возмущенно настроенных студентов. Для преподавателей, общественных деятелей и бюрократов в высшей степени трудно игнорировать или ликвидировать революционный терроризм, зародившийся в университетских городках. Это серьезная угроза как для академической общности, так и для всего общества, чуждого закону и порядку».

Настоящее demonstration и бой с позиций положения начало движению «За власть студентов», которое с первых своих шагов охватило яркую антиимпериалистическую окрестку. Калумбийский, Бостонский, Стэнфордский, Калифорнийский, Мичиганский и другие университеты США были превращены в боища студенческих битв с полицией и властями.

Аналогичный процесс развивался в Западной Европе. Над Парижем пролился настоящая буря, вывернувшая камни на мостовых университета в Нанте и древней Сорбонне. Латинский квартал сделался свидетелем отчаянных схваток студентов с жандармами. Движение всколыхнуло провинцию. Университеты Страсбура и Жиллы выступили в поддержку парижан. «Давно молодежь Франции не думала о Коммуне по-настоящему, теперь она думает: давай думать о ней», — писал студент Бруно Марсена, участник маяских событий прошлого года.

Резко усилились выступления студентов Италии. Молодежь оказала поддержку существующим рабочим заводом «Флате». Эти действия, писал Лудвиг Лонго, «были решительными требованиями борьбы против капиталистического произвола в системе просвещения Италии».

Молодежь ФРГ бурно протестовала против чрезвычайных законов, разгульной прессы Шприттера, милитаризма и ревашизма. Захват университетов, бойкот лекций, переходы к уличному движению, демонстрации в театрах, организуемые совместно с актерами, обращения к рабочим и профсоюзам — таковы формы студенческой борьбы демократии буржуазия Германии не видела больше столет. Не менее необычными явились выступления студентов в университетах Англии. Куда делась умеренность и консерватизм Кембриджа и Оксфорда? Английская газета «Об-

сервер» тревожилась и недоумела по поводу «нового стиля» массовых действий студентов, агрессивно и смело вступающих в стачки с полицией на демонстрациях против интервенции США во Вьетнаме, расового неравенства, за улучшение системы образования и быта в университетах.

«Студенческую революцию» — это широкое, частично оформленное, частично аморфное движение — трудно определить в категориях политической практики последних десятилетий. Оно часто выступает под именем «Нового левого». Понятие довольно расплывчатое, и в печати о «Новом левом» встречаются противоречивые толкования природы и значения этого движения.

«Студенческое «Новое лево» — это очень многогранное явление», — пишет «Чинго трибун». — Ему трудно найти определение. Оно представляет собой сочетание теории, социологических акций и яростного протеста. Оно связано с движением за социальные права, борьбой против яллетта и войны во Вьетнаме. Оно сочетание всех этих вещей, но ни одно из них в отдельности. В каждом оно проявляется как кульминация века протеста. Мы видим его, когда в знак протеста сжигаются американские флаги, публикуются уничтожаются вонючие карточки призывников в армию, когда студенты идут на демонстрацию и бросают вызов властям. Оно несет

физическое человеческое существование молодого человека, провинившимся в последнее время в ряде развитых стран. Разумеется, наиболее важными являются причины, которые, кроме экономического базиса общества, привели к решительному изменению роли университета в системе производственных отношений капитализма.

Современное капиталистическое производство нуждается в сотнях тысяч специалистов с высшим образованием. За последние десять лет, например, число студентов возросло во Франции с 200 тысяч до 680 тысяч, в США — с 2,5 до 5 миллионов, в Англии — с 216 тысяч до 418 тысяч. Число студентов в странах Общего рынка возросло за последние 5 лет на 70 процентов: с 817 тысяч в 1962 году до 1394 тысяч в 1967 году.

Подготовка студентов стала мощным фактором экономического роста. «Производство, распределение и потребление «знаний», — пишет английская «Гардиан», — во всевозможных формах составляет 29 процентов от общего национального продукта США. Прямой этот сектор американской экономики растет в два раза быстрее остальной ее части».

Университеты стали фабриками большого числа студентов, в которых распространяются все законы капиталистического производства. По этим законам массе студенчества западных стран суждено вливаться в



семена революции в своем анархизме, а по мере таят великую опасность для тех, кто чтит закон и порядок».

Большинство буржуазных критиков «Нового левого» соображают от его беспредельного нигилизма, всеобщего отрицания «автоприпятых моральных ценностей» и авторитарности. Леся Фидлер из Соединенных Штатов, например, выдает новых протестов буржуазниками. «Это отбросы истории. Ужас на шкод, столь типичный для нас, является живым примером отрицания идеи преместности культуры и прогресса, которую «система образования США возложила в установленных формах». Другой критик либерального толка, Ирвинг Хау, отмечает в «Новом левом» «неоранданную враждебность» к всему, что канонизировано, твердую уверенность «завете Запада», в ярко выраженном антиамериканизме. Неприязненные оценки «Нового левого», в которых больше бривознация, чем серьезного желания разобраться в явлениях, весьма характерны для буржуазной пропаганды.

Отыскать причины широких студенческих выступлений, ученые и политики обнаруживают целый ряд факторов, ведущих к радикализации молодежи. Эти факторы действуют в экономике, политике, идеологии, общественной и индивидуальной психологии, они связаны с изменением социальной структуры наций и даже с

рынок рабочей силы. Объективное положение студента сближается с положением рабочего, а из интереса все больше совпадают. Качественно изменилась среда, из которой выходят студенты. Социальная база студенчества значительно расширилась за пределы старой монополии касты, и университеты перестали быть только местом учебы детей элиты. Большинство студентов на Западе пополняются за счет выходцев из мелкобуржуазных слоев общества, которые не имеют гарантированного обеспечения будущего и являются кандидатами в пролетарии. Технический интеллигент и рабочий — оба являются объектом эксплуатации со стороны капитала. Сотни тысяч студентов превращаются в резерв армии рабочего класса, тогда как еще до недавнего времени учащиеся высших учебных заведений в подавляющем своем большинстве выполняли собой буржуазные слои общества.

Анализируя этот процесс, председатель Административного совета Института Мориса Тореза профессор Жорж Калма отмечает, что работники умственного труда все глубже осознают свое действительное социальное положение, своим принадлежностью и названной социальной группой, состоянием которой возрастает число техников, инженеров, специалистов высшего рода. В Соединенных Штатах, к примеру, Комиссия по вопросам техники, автоматизации и экономического

прогресса определяла, что эта тенденция будет неспроста усиливаться. Общее число «трудящихся в белых воротничках», по всей вероятности, увеличится на две пятых и будет составлять в 1975 году 48 процентов общей потребности рабочей силы.

Для того, чтобы выдержать конкуренцию в работе рабочих рук, студент должен получить в университете как можно более глубокие и обширные знания. Но стремление капитала воспроизводить технический персонал с минимальными затратами коренным образом противоречит интересам студенчества. В университетах преподается в высшей степени сокращенный объем знаний, который становится все более узким и специализированным. Это ведет к подготовке в вузах тысяч кадров, которые становятся непригодными для использования на производстве через несколько лет и заменяются новыми.

Университетам, особенно западноевропейским, не хватает финансовых средств, помещений, оборудования, столовых. Во Франции, как писал журнал «Альтернатива», студенты сидят в битком набитых аудиториях, залы для практических занятий слишком малы и число их недостаточно. На факультет естественных наук Парижского университета зачислена 31 тысяча студентов, тогда как его помещения могут вместить на 7 тысяч мень-

ше. Если учесть, что лекции в университетах продолжаются по десять—шестнадцать часов в день, то станет ясно: посещать их может тот, кто не работает. Студент, зарабатывающий себе на жизнь, не в состоянии получать знания в полном объеме. Дисциплинарные санкции в нашей стране порой не могут быть, но применяются над курсом, во что обходится их диплом, на пути к которому они в большинстве случаев получают стипендию. Но знакомлю студента, выходящего из вуза или даже среднеобразовательной школы, хорошо известно, что его диплом стоит значительных материальных издержек ему самому и его близким.

Тревога за будущее, страх изоляции с особенной силой травмируют уже по окрестную психику молодых людей. Из тысячи французских студентов, к примеру, триста тридцать человек нуждаются в услугах медико-социальных органов и, в частности, психотерапевтов.

Возникновение «Нового левого» связано со значительными переменами в общественной структуре западных стран. В сравнительно короткий исторический срок резко выросло население городов. Протессы капиталистической урбанизации, наплыв дешевой рабочей силы из сельских местностей в промышленные центры обнажили глубокие противоречия, раздирающие общество, основанное на экс-

платации и господстве частной собственности. Доктор Кеннет Кенгстон, профессор экономики Йельского университета, после широкого обследования молодых участников движения за прекращение вьетнамского войны дал следующую характеристику «блутучикам», на которых решительно надеяться оказались не материальные, а идеологические мотивы. Эту молодежь возмущают те глубокие расхождения и противоречия, которые она наблюдает между либеральными критиками (такими, как «ценность независимого мышления», «расовое равенство», «капиталистическая свобода»), которые провозглашают официальная пропаганда, и действительными действиями в агрессионной политике США во Вьетнаме, Доминиканской республике, зверном подавлении негритянского движения в Южной Африке.

Появляясь в университетах, студенты воспевают на формулярных собраниях молодых американца, называемых и другие причинами нынешнего критического и воинственного настроения молодежи. Особо отрицательную роль в этой связи усматривают в воздействии телевидения на формирование характера молодого американца. «Молодежь, пытавшаяся осмыслить политику последнего десятилетия в Америке,— пишет профессор К. Кенгстон,— была свидетелем убийства президента Дж. Кеннеди в семье среднего класса ежедневно видит на экране телевизора насилие, он видит, как течет кровь, как бурлит Америка. В результате повторениях драматических телевизионных сюжетов раскрываются потенциальные возможности совершения насилия, которые кроются в каждом из нас».

Огромное влияние на студенчество оказывают события политической жизни, которые определяют судьбы множества молодых людей. Борьба за свободу и мир для народа Вьетнама стала интернациональным делом студентов. В ней участвует учащаяся молодежь многих капиталистических стран: США, Англии, Франции, Италии, ФРГ, Японии и других. Вместе с тем в каждой стране существуют другие аспекты студенческой борьбы, обусловленные внутренними обстановкой. В США, например, проводятся мощные выступления против расовой сегрегации негров и ликвидации террора. Начав с проблем образования, студенты ФРГ обратили к чисто политическим проблемам, обнаружив их неразрывный связь. Републиканская политика Бонна, поддержка американской агрессии во Вьетнаме, насаждение милитаризма все чаще встречают осуждение и активное противодействие западноевропейских студентов. Важной целью студенческих выступлений в год двадцатилетнего срока Советско-американского договора явилось разоблачение агрессивной роли НАТО в Европе. Манифестации студентов против НАТО, военных баз США, ядерного оружия шараются в Англии, Бельгии, Италии, Голландии, Турции и других странах этого агрессивного блока.

Условия студенческого бытия, концентрация тысяч юной и девушек на «фабриках знаний», в университетских городках — все это объективно способствует созданию совместных действий и борьбу за общие дела. Эта борьба имеет тенденцию к росту и расширению, к слиянию с общемировой борьбой трудящихся масс против империализма.

Какая в Лету те времена, когда рабочие кварталы в одиночку вставали на бой с капитализмом, а фабрики и заводы были единственными базами сопротивления системе эксплуатации. В наши дни пролетарият всех стран привлекают на свою сторону все новых и новых союзников. Один из них — студенческая молодежь. Вплоть до сих пор в ее рядах интелли и филеров, империалистическая пропаганда стремится направить молодежное движение по ложному пути. Наземные профессора распространяют отраву реакционных идей. Молодежь не имеет неопытность, слабость знаний и организации. Но будуче за теми, чьи сердца горят настоящим революционным огнем. В стычках с полицией, в боях с войсками реакционной системы, за решетками тюрем, в сложных перипетиях борьбы студенчество Запады постигает науку классовых битв и обретает мужество.

ше. Если в США университеты превращены в огромный бизнесом в своеобразие промышленности предпринятия по производству технических специалистов поточным методом, то в Западной Европе процесс этот еще не окончен. Здесь во многих университетах еще сохраняется некая рутинная, программы не освобождены от устаревших курсов и предостается таковы, какими оно было 50—100 лет тому назад,— пишет о французской системе высшего образования «Альтернатива». Если на технических факультетах образование сводится к усвоению ряда практических навыков рабочего высокой квалификации, то на гуманитарных студенты приучаются к долблению схоластических теорий, концепций, отдельных фактов, служащих лишь для украшения от рассмотрения и решения проблем общественной практики. Преследуется идея приспособить студента к выполнению какой-либо строго определенной функции в политической или экономическом аппарате буржуазного общества.

Отсев студентов в университетах Франции, например, очень велик: вылетают из вуза, как правило, означают неслучайно, как у учащихся. На некоторых факультетах деловому удается защитить лишь одну из десяти выпускников. Такая же картина наблюдается в Италии. Только 15 процентов французских студентов получают государственные стипен-

диаты и господстве частной собственности. Жизнь категории буржуазной и морали, понятия равенства, справедливости и всеобщего христианского братства находится в вопиющем и очевидном противоречии с реальностью.

Школьные учебники, оперирующие этими категориями и понятиями, образуются молодежью при первом же со столкновении с практической жизнью, в которой господствует насилие, нищета, бесправие масс. Социализация воображение трубочки, кишащих крысами домами, гангстерскими, наркоманной и детской преступностью, представляет собой наглядное и потому самое убедительное опровержение всех предрасудочных теорий, проповедующих «великое общество всеобщего благополучия». Перед лицом вопиющих противоречий, которые столь резко обрисовались в последнее время и результате социальных сдвигов, молодое поколение приходит к отрицанию существующего нормидка вещей.

Молодежь, для которой полет в другим планетам и высадка на них является реальной практической проблемой, не в состоянии примиряться с теми скучными условиями существования, которые предлагает ей система капитализма. Вот почему студенты протестуют против их насильственной интеграции в эту систему, смысл и цель которой



Промыло ни много ни мало — 10 лет с того летнего июльского дня, когда впервые сошлись в небу для Первого Московского международного кинофестиваля. Теперь на уже известном победителе VI. За десять лет шесть Московских международных кинофестивалей сказали «добро» пути и талантам актерам, к которым потом пришла мировая известность, и фильмам, завоевавшим высочайшие признание у зрителей разных стран. За десять лет сформировался четкое направление, «саура» и вкус нашего фестиваля. От него отпочковались прошедшие теперь одновременно с

НЕДА АРНЕРИЧ

— Если бы на кинофестивале был проведен конкурс на звание «мисс фестиваль», без сомнения, одним из главных претендентов оказалась бы голландская актриса Неда Арнерич. По крайней мере, я бы голосовал за нее, — сказал, сидя в пресс-баре, один из местных петербургских артистов.

Действительно, Неда на редкость привлекательна. 15 июля, когда Неда праздновала свое шестнадцатилетие, я предложил ей от имени читателей «Смены» бунт цветов и попросил рассказать о себе.

— Я впервые приехала в Советский Союз и очарована Москвой. Надеюсь, что когда-нибудь фильм с моим участием пойдет на московском конкурсном экране...

— Три года назад? Девушка смущенно улыбнулась и покачала головой. Мою, что еще рассказывать?

— Пришлось задавать вопросы.

— С чего началась твоя кинематографическая карьера?

— С телевидения. Я снималась в нескольких телевизионных коротких. Однажды мне позвонил домой и предложил познакомиться со мной в большом кино. Я не раздумывая долго, согласилась...

— Скорее теперь фильмом на твоем счету?

— А когда раздадут тот самый звонок?

— На всемирном конкурсе был показан фильм «Винца на Ташмандане», где ты играешь главную роль, свою современнику. Что ты можешь сказать об этой героине?

— Она «разделяла» настоящую любовь, пришла мне подлинное чувство и ослепла несчастной. Мне очень хочется, чтобы моих зрителей никогда не постигло такое разочарование.

— Спасибо, Неда. Я непременно найду об этом.

ЖАН-ЛУИ ТРЕУТИНЬИ

Впервые наши зрители познакомились с ним, когда на экраны появились фильм Кристиана-Жана «Если бы парни всего мира». Тогда Трентинья выступил в небольшой удивительной роли радиста, с которой молодой актер играл своего героя, запомнившись. Появилось желание проследить за творческой судьбой исполнителя, который появился на свет, по его словам, для того, чтобы стать артистом. Об этом мы и расскажем ниже.

— Вы родились в 1930-м, на юге Франции?

— Совершенно верно, как и знаете, — улыбается Жан-Луи.

— В начале пятидесятых годов приехали в Париж и поступили на курсы Шарля Дюллена...

— А что было дальше? — завоодил, спрашивает француз.

— Потом пять лет сценической работы и наконец первая съемка. Кажется, в 1956-м...

— 1955-м — образовалась, что представляла возможность заступиться за свою биографию, превратил меня Трентинья и заразително смеется.

— Наш контакт налажен.

— Студия Шарля Дюллена считалась одной из лучших театральных школ Франции, помогала развивать актерскому дарованию молодого, настоящего человека. В течение пяти лет Жан-Луи Трентинья с успехом выступал на сцене в пьесах Шиллера, Мольера, Шекспира... Потом начинается его сотрудничество с кинорежиссерами. За десять лет он снялся более чем в 30 фильмах, но по мнению многих кинозрителей, унаследовала популярность Жарра Фийаля.

— И все же мне лучше сказать, что есть во всем, я обязан театру, — продолжает Трентинья.

— Остается ли у вас теперь время на театр? — спрашиваю я. При чем ТЕПЕРЬ я подчеркиваю особенно, стараясь тем самым дать понять, своему собеседнику, что если делать по три-четыре фильма в год, как это бывает у него, не

многого времени останется для режиссуры.

— Дело все, чтобы оно было. Вот и теперь, — говорит он, — сразу после фестивалей возвращаюсь в Париж и вскоре приступаю к работе над ролью Гамлета. Буду играть принца на сцене театра. Это один из моих самых любимых героев и мой давняя мечта.

— Зависимы ли вы с русской классической драматургией?

— Еще был — восхищался актером — в обморок Гоголя, Достоевского, Тургенева. А Чехова прочел от мори до мори, когда учился в студии. И на сцене играл его героев. Особенно любил Тригорина в «Чайке».

— После выезда на экран фильма «Мученики и женщины» Юлда Лелюша, где Трентинья сыграл главную роль — профессионального автогонщика, человека честного, отзывчивого, приего, — его популярность заметно возросла. И вот на фестивале на экране мы увидели новую блистательную работу актера в картине Юста-Гавраса «Дзета». Здесь он сыграл мстительного, принципиального прокурора, ролею выполняющего свою долг.

— Вы, конечно, знаете, что обстановка собой была «детая» у давнего зрелища, — рассказывает Трентинья. — Было жарко, вечно в памяти, в сердце. Так Юста-Гаврас решил назвать фильм об «эпохе» политического убийства. Прочитав книгу греческого писателя Василиса Василиноса об истории гибели одного из самых популярных людей Греции, человека огромного обаяния, неустрашимого борца Сорпотакалини Григороса Ламбрианиса, павшего от рун фашистов — Юста-Гаврас, не будучи знакомым с автором, договорился с ним о праве экранизации повести. Ромисуру не удалось найти во Франции продюсера, и тогда Жан-Луи Трентинья, по совету Жан Перрен (советские зрители видели его в фильме «Девушки из Рошфора»). Мы снимали ее в Алжире. Работал над «Дзетой», находясь из нас думал о тех жертвах политиче-

ского террора, которые сегодня погибают в Америке, Африке, Греции, Португалии.

— Жан-Луи Трентинья мне признается сниматься среди больших антарктических знаменитостей. Но, пожалуй, в «Дзете» был собран такой «звездный» состав, который трудно увидеть в какой-либо другой картине. На Монтан (он исполняет роль Ламбрианиса), Ирен Палас, Жан Перрен, Алла ван Мугиля... И все же Трентинья был признан лучшим в этом ансамбле. На последнем Каннском фестивале актер был удостоен высшей награды.

— У него из режиссеров вы больше всего любите сниматься? — спросил я Трентинья.

— Он, не задумываясь ответил: — У Юлда Лелюша.

— А как вы относитесь и поставившим фильму «Моя любовь, моя любовь»?

— О тот мастер еще заставит о себе говорить. Учите, что сценарист и режиссер этого фильма был дебютантом. Со временем его творчество ориентир не... Трентинья посетовал в сторону молодой, талантливой женщины, стоящей рядом, — тогда я трудно будет попасть в картину.

— Ну, давай-то это не угрожает.

— Наоборот, когда меня является одновременно и кинорежиссером, трудно бывает спорить на съемочной площадке, отстаивать свои взгляды. Пусть добавляет свои актер... А у Ирины Трентинья характер... — И он похлопал плечом.

— Незаметно пролетели два июльских дня у сурруга Трентинья. Собравшись в аэропорт, Жан-Луи говорил:

— Мне бы хотелось познать здесь два месяца. Полюбить узнавать людей, побродить по городу, не похуже мне на один город в мире. Но я надеюсь, что эта встреча будет не последней. Надеюсь, что еще встречу на одной съемочной площадке с советскими актерами, мастерами которых так высоко ценится французами.

нам довольно любопытные и одновременно серьезные «малыши» — фестивали короткометражных фильмов и фестивалей фильмов для детей. «Малыши» они только по возрасту. Хочется отметить, что конкурсные программы этих мини-фестивалей собирали чаще не меньшее число почитателей, чем главные фестивали полнометражных фильмов. Зобес рек, зобет не, чья главный фестиваль полнометражных фильмов — рамки Московского фестиваля гораздо шире. Он знакомит москвичей и гостей столицы с лучшими произведениями киноискусства за последнее время.

Беседы вели
Виталий ЗАСЕЕВ и
Леонид ПЛЕШАКОВ

Фото Мирослава МУРАЗОВА



МОННА ВИТТИ

Ее приезде ждали с несравненным интересом. Монна Витти — одна из самых знаменитых «звезд» современного мирового экрана.

— Как вы пришли в кино? — спросил я актрису во время обеда. Никого впрочем, для беседы с итальянкой просто невозможно было найти. Три дня, которые она решила посвятить Москве, фестивалю, были загружены до предела.

— Я окончила Академию драматического искусства, работала в театре. Потом меня заметил Антониони, и я сделала с ним первый фильм, «Приключенье». Это было как раз десять лет назад. Потом появились на экраны «Ночь», «Блуждания», «Красная пустыня» того же режиссера...

— В свое время вы сыграли главную роль в фильме «Модест Бетховен», где «разговаривали» с оружейником за «средой» с помощью пистолета. Как вы относитесь к этой своей героине?

— Мне хотелось попробовать себя в несколько ином амплу, чем все героини Антониони. Антриса ведь имеет на это право.

Пона Витти рассказывает о своем решении, я пристально рассматриваю ее. Тонкое, интеллигентное лицо, приятные манеры, ровный голос. Нет, она совсем не похожа на дивейсвольную героиню, мечту зрителей и продавщиц больших универсальных магазинов, которые заполняли кинотеатры, самую жестокость и зрелищность и тем самым являлись о проблемах насущного дня.

— Как вы относитесь к жанру комедии?

— С удовольствием снимаюсь, мне убеждена в режиссере. Пона мне весело. Я люблю свою «Девушку с пистолетом» (актриса играет в виду новый фильм Марио Моничелли, в котором она сыграла главную роль и который виле конкурс шел на фестивале в Берлине).



МАРИ ЛЕСТЕРА

Эго, понавалу, была единственной на фестивале «звездой». Во время интервью, за которой хотелось поехать в кармай, вытаскивать лезвие или «Мини-ку на Севере и угостить «звезду» за искренние ответы, непосредственную улыбку и непосредственность. Я ввено в виду Мариа Лестера, очарованного миссионерской своей игрой в фильме «Оливер». Но, вспоминая, что Мариа не любит сладостей, а за завтраком, как взрослая женщина, предпочитает съедать яичницу с ветчиной или бифштекс, я с пристрастием подавала припасенный к этому случаю шоколад и принаился задавать вопросы о первом фильме в своей жизни?

— Понати...
— А сколько тебе было лет, когда ты впервые...
— ...появился на съемочной площадке, — помогает мне подбирать нужные английские слова Мариа. И тут же отвечает: — Шесты! — И для большей убедительности показывает распорядочную паперию и мисзинец на другой руке.
— Значит, сейчас тебе...
— Одинадцать лет.
— За сколько дней ты прочел «Оливера» Чарльза Дикенсона?
— Дня за три. У нас есть издание... Знаешь, такой сильно сокращенный вариант, когда остается самое главное?
— Ты уже твердо решила стать актрисой.
— Почти. Если не передумаю.
— А что тебе больше всего любинно на свете?
— Летать на самолетах. Я еще, может быть, буду летчицом.
— А как относится к этому твоей папе?
— Он считает, что время покажет.
— Что тебе больше всего понравилась в Москве?
— Кремль.



ИРИНЕ ПЕЧЕРНИКОВА

Все-таки удивительная штука — кино. Снялся актер в главной роли — и на другое утро проснулся знаменитым. Известность — вещь приятная. Но даже приятное хорошо в меру. Поэтому всегда любопытно, что мучает человека, на которого свалилась она вдруг, да еще в весьма значительной дозе. Например, узнаешь ли он сам несомненной метафорой или уже наметившей рукой ощущает лавровые восторги на голове и принаеме радует автографы...

Примерю об этом думал я, когда, посмотрев фильм «Коммюне до помодельнички», позвонил Ирине Печерниковой, сыгравшей в нем одну из главных ролей. Картина имела успех у зрителей, Большую и добродетельную прессу. Короче приняли и молчаливо антристу. Во всяком случае, в театре же недела по выходу фильма на экран она получила сотни писем с поздравлениями по случаю удачного дебюта. Мало кто помнил, что настоящий дебют Печерниковой в кино состоялся несколько раньше: в фильме Анна и «Наменном госте». И вот по праву старого знакомого моего ей.

— Видел фильм, — говорю.
— Ну и как?
— Понравился. И ваша работа тоже.
— Много там говорите?
— Ну, а сами что слышите?
— Пона что старался разобраться.
— И что же?
— Не разобрался...

А вскоре закончили съемки «Первой любви», где она сыграла Зинаиду Засекину. Причём партнером Ирины был Инокентий Смоктуновский, и опята на мои вопросы она отвечала односложно, вроде бы все еще старалась разобраться. По-настоящему поговорить нам удалось только, когда она приехала в Москву из Польши, куда ее пригласили сниматься. Правда, слово «пригласили» совсем точно: перед самыми съемками Ира съезжала обе нести, так что правильнее сказать: ее приехали в Москву.

— Вот теперь у вас будет время поговорить — светится она, — на два вечера угостить в Гис...
— А вы не узнаете, — говорю ей в тон...
— Чего узнавать? Теперь поклонники старозапа извлекают пользу: много читаю, тренируюсь, чтоб не выйти из формы. В конце лета весте с театром уеду на гастроли...
— И теперь есть время «разобраться», — напоминнаю ей мое слово.
— Уже разобралась, — парирует она.
— Какой же выход?
— Хватитесь пока нечем...
— Вот, думаю, про себя, как меняется людей болевши. Всегда был веселый, а тут вдруг pessimизма. Оно словно догадалась: — Не думай, помодельничка, что и из-за ног — нос повесили. Просвечивали — кости на месте. Так что все будет в порядке. И вообще я не ушла. Просто приехала и таному выводу, проанализировала все. Лучше, когда не заблуждаешься на свой счет...
— Но сущая темные тона тоже не стит. Какнется, чего еще? Три года, как онцилла училца, уже силнае в трех фильмах. И снова приглашаю.
— Ну и что? Три фильма — и все мимо. Не нравятся, что ли сделала. Даже ни одной сцены понастошему не получился, не говоря о роли...
— Это не беда. В кино можно вы театральная антриса, так что кино не главное.
— Таного оно так. Но в театре есть сцены, где нельзя сыграть, искренне что ли. Допустим, хочеще передать мысли, состояние героини только глазами. Или сказать какому-то типу, что тебе никто не услышит, а выражения глаз не увидит и гаворки слышала, о чем ты шептешь...
— А в кино простор. Тут твои глаза могут во весь экран показывать что-то. Только и вот этой воимонности пока ни разу не воспользовалась...
— А еще какие наблюдения вы вынесли из съемки?

— Я люблю театр. Но и в кино есть свои прелести. Если любите, хорошие группы, интересные люди... это здорово. Наш объединяет общее настроение, работу, желание сделать хорошую картину, или хочешь работать за же удаче. Ощущение — вроде сна пошла в пленяра... Я вообще люблю дружескую сборку, мопаин...

— Но тут есть и свой минус. Снимают кино — похрулились, привели друг и друга. А потом, иногда фильм сделан и настал момент вроде бы прощаться обычно побуду. Дружки разбежались, режиссер готовится к новой картине, осветители и гримеры уже в другой съёмочной группе. Везде сто раздуш ощущение потери чего-то близкого... Самих дорогих друзей не теряешь. Они с тобой остаются навсегда. И даже если...

— А еще оно очень искренних почитателей... — промолвил он.

— Их тоже.
— О чем оно, вы пишете?
— О том же, о чем пишут все артистки. По-разному. Просит прислать фотографию. Неоткуда представить, кто это за человек...
— Что вы отвечаете?
— Что тут ответить! Он влюбился не в меня, а в сиреную женщину школьную учительницу... — о чем пишут девушки!

— В основном, просто поговосовать, поустать ли в театральное училище, и если да, то как это сделать...
— Ну и?..

— Сначала я подробно отвечала. Потом поняла, что совет дает troppo. Больше того, вдруг запомилась, правильно ли сама сделала в свое время вышше профессии. Работать артисткой было не так уж удачно. Но иногда случаются моменты, что просто жаркие выходы. Думается, стоило бы выебше огород горорить, стоило трыу ушло непонаслуху.

— Ну уж я-то же было же больше или меньше?

— Так тогда намекнул. Решила и стать артисткой в классе вокала... Позже, пошла за советом к Рудине Нифонтовой — мы в одном доме живем — говорю: куда в театр работать, что для этого надо?
— Она говорит: на работу в школу не ходи. Стали осановить это «всё». Спортивный разряд по фигурному катанию у меня уже был. Тут я поиняла по стрельбе, верховой езде, волейболу, гимнастике. Славя записывалась в спортивные правя и на выходные мотоцикла. Записалась в кружок танца и драматического. В драмкружке меня записали и начинающую группу. А так одну детку. Я сто сравнила с ними старуху. Вот и заставили играть бабушку в сказках. Обну сыграв, вернула. В дя дсвом классе даме на уроки престала ходить: времени не было...

— Подумала заттат, надола заявление в школу-студии при ИХАТе. Поступила: не думала! услышала всякого стрелка о конкурсах, решила даю обоснованные упреки не просто обмануть, а заставить защищаться. Защищать не только себя, но и всех своих ровесников. И тогда отстремилась в пылах современную молодую героиню, всякий раз принимаясь бы стала не выходящая из головы. Не столько внешний рисунок роли, сколько именно то чертотни, которые позволили бы показать, что являю гораю чиче, четнее, чиноче, что это можно закончить из ее поступков, слов, поведения. Азамкноточеннее, точнее. Даю в самой логике хочется найти что-то хорошее, светлое...

— Да. Но всякий раз артистка стиснула рамками роли. Она может говорить и поступать на сцене только так, как говорит и поступает в пылах героиня...

— Вы не стесняетесь! Они могут на это всемасдесять градусов повернуть язык слва и поступки героини. В «Дух товарищах» я играла Таню. О ней не сказала, что она очень культурная, что ее поведение идеально. Скорее наоборот. И отделяется она беззастенчиво, и держится вызывающе, и льзет ее любившим губу. Вот так и можно было ее сыграть. И это была бы правда. Но это было бы личное решение. Самое простое, но и самое верное.

— Стоит высказываться в слова и поступки Тани отменили, совсем чуть-чуть, пусть только в двух-трех местах — и девушка сразу предстанет другой. Под словом счастливой, с недостатками. Или Glasgow, чистой, чистой, душевной. Понимая, что все ее правда, словесная шулка — своего рода броня, которой защищаете легкоранявая и немая дау.

— Это верно в данном конкретном случае. Ну, а если нужно играть отрицательный персонаж, все поступки которого плохие, что могут испортить Тани, которые сделают героя если не полюбить, то хотя бы приеменьть!

— Абсолютно плохой человек, например...
— Лично я в этом не уверена...

— Во всяком случае, если личности, которыми можно объяснить, почему он поступает так, а не иначе...
— Понять причины еще не значит оправдать поступки...

— Поняв причину поступка, можно понять человека. А иногда как раз этого и не следует, что помочь ему стать лучше... Хотя не будам спорить...

— Да мы и не спорим...
— Тем более. Только я хочу, чтобы поняли меня правильно. Я совсем не за «голубого», полонителного во всех смыслах героя. Честно говоря, не люблю очень хороших, тихих, добрых, вот Таню «Дух товарища» и Ано из «Снимают кино»!

— Во всяком случае, это личности, которыми можно объяснить, почему он поступает так, а не иначе...
— Понять причины еще не значит оправдать поступки...

— Поняв причину поступка, можно понять человека. А иногда как раз этого и не следует, что помочь ему стать лучше... Хотя не будам спорить...

— Да мы и не спорим...
— Тем более. Только я хочу, чтобы поняли меня правильно. Я совсем не за «голубого», полонителного во всех смыслах героя. Честно говоря, не люблю очень хороших, тихих, добрых, вот Таню «Дух товарища» и Ано из «Снимают кино»!

— Во всяком случае, это личности, которыми можно объяснить, почему он поступает так, а не иначе...
— Понять причины еще не значит оправдать поступки...

— Поняв причину поступка, можно понять человека. А иногда как раз этого и не следует, что помочь ему стать лучше... Хотя не будам спорить...

— Да мы и не спорим...
— Тем более. Только я хочу, чтобы поняли меня правильно. Я совсем не за «голубого», полонителного во всех смыслах героя. Честно говоря, не люблю очень хороших, тихих, добрых, вот Таню «Дух товарища» и Ано из «Снимают кино»!

счастье, те своего дела единственного шанса не упустить...
— В интервью принято спрашивать о творческих планах. Не будам придерживаться традиции.

— Планы? В кино? Или в театре?

— И в театре.

— Мне все-таки хочется сыграть кино. Пома и никак не могу привннуться к его фрагментарности. Понимаю, что режиссер из искусоч поинтурирует фильм. Но я же могу еще работать по частям. Как вот настроился сыграть сцену, все готово, выключил свет, вышел на сцену, начал играть... А вот отключили съёмку на полчаса. А через полчаса не могу настроиться... Момент, что от неопытно не могу думать, пробаде? Или насаскада стит! Как думаете, пробаде? Или насаскада стит! Наверное, пробаде. Ну а в театре?

— Конечно сыграть Эльзу Дюллит в «Пигмалион». Буду репетировать Стеллу из пьесы Теренса Уэллеса «Утренняя мелодия», хотя мечтаю сыграть еще старшую сестру, Бланш. Но это лет через пятьдесят... А еще хочется сыграть каких-нибудь современных девочек...

— Насколько я понимаю, такое желание высказывали многие артистки. Наверное, трудно было как-то раскрыть мысли и чувства героини одого с тобой возраста и мнущегося в одно с тобой время жизни. И тому же есть возможность в своем роде выразить самого себя, свои чаяния. Завидно о своем психею краю...

— Тако-то так. Но тогда я иду роль современной девушки, думаю не только об этом. Есть еще одна причина, почему сыграть, личного нраве. Я родилась в первом семитри сорок летод, когда закончилась в вторая мировая война. Мы советские, ни тем более те, кто родился позже, не пережили тушину военных лет. Это не было бонбени, эвакуации, не помним голода, кооптационной системы. Казалось бы, нужно только работать, что есть люди, у которых выки, и работаешь лучше, чем у их матерей, отцов, старших братьев-сестер. Так нет же! Мы насчасенью поповрауем, что мы не видели года, пережитого другими. Что нам легко живется. Что мы, наконец, растем какинотом не таяним. В общем, плохом... Вам, наверное, смешно слушать эти сеговации! — вдруг спрашивает она, заметив мою улыбку. Да, кажется, что молодежь неправда!

— Нет. Я думаю, что при любом споре нужно спорить вообще. Но вернемся к разговору о героинях. Мы отвлечлись...
— Напротив, это ман раз продолжение нашего разговора...

— Так вот, я не люблю все эти разговоры о странности нынешней молодежи, и то, что для нее нет ничего святого и прочее и прочее... Хочется доказать обратное.

— Мне кажется, что мы не хуем своих предшественников. Так же, как те, что придет на смену иному поколению, будут не хуем нас. Поэтому не надо обоснованные упреки не просто обмануть, а заставить защищаться. Защищать не только себя, но и всех своих ровесников. И тогда отстремилась в пылах современную молодую героиню, всякий раз принимаясь бы стала не выходящая из головы. Не столько внешний рисунок роли, сколько именно то чертотни, которые позволили бы показать, что являю гораю чиче, четнее, чиноче, что это можно закончить из ее поступков, слов, поведения. Азамкноточеннее, точнее. Даю в самой логике хочется найти что-то хорошее, светлое...

— Да. Но всякий раз артистка стиснула рамками роли. Она может говорить и поступать на сцене только так, как говорит и поступает в пылах героиня...

— Вы не стесняетесь! Они могут на это всемасдесять градусов повернуть язык слва и поступки героини. В «Дух товарищах» я играла Таню. О ней не сказала, что она очень культурная, что ее поведение идеально. Скорее наоборот. И отделяется она беззастенчиво, и держится вызывающе, и льзет ее любившим губу. Вот так и можно было ее сыграть. И это была бы правда. Но это было бы личное решение. Самое простое, но и самое верное.

— Стоит высказываться в слова и поступки Тани отменили, совсем чуть-чуть, пусть только в двух-трех местах — и девушка сразу предстанет другой. Под словом счастливой, с недостатками. Или Glasgow, чистой, чистой, душевной. Понимая, что все ее правда, словесная шулка — своего рода броня, которой защищаете легкоранявая и немая дау.

— Это верно в данном конкретном случае. Ну, а если нужно играть отрицательный персонаж, все поступки которого плохие, что могут испортить Тани, которые сделают героя если не полюбить, то хотя бы приеменьть!

— Абсолютно плохой человек, например...
— Лично я в этом не уверена...

— Во всяком случае, если личности, которыми можно объяснить, почему он поступает так, а не иначе...
— Понять причины еще не значит оправдать поступки...

— Поняв причину поступка, можно понять человека. А иногда как раз этого и не следует, что помочь ему стать лучше... Хотя не будам спорить...

— Да мы и не спорим...
— Тем более. Только я хочу, чтобы поняли меня правильно. Я совсем не за «голубого», полонителного во всех смыслах героя. Честно говоря, не люблю очень хороших, тихих, добрых, вот Таню «Дух товарища» и Ано из «Снимают кино»!

— Во всяком случае, это личности, которыми можно объяснить, почему он поступает так, а не иначе...
— Понять причины еще не значит оправдать поступки...

— Поняв причину поступка, можно понять человека. А иногда как раз этого и не следует, что помочь ему стать лучше... Хотя не будам спорить...

— Да мы и не спорим...
— Тем более. Только я хочу, чтобы поняли меня правильно. Я совсем не за «голубого», полонителного во всех смыслах героя. Честно говоря, не люблю очень хороших, тихих, добрых, вот Таню «Дух товарища» и Ано из «Снимают кино»!

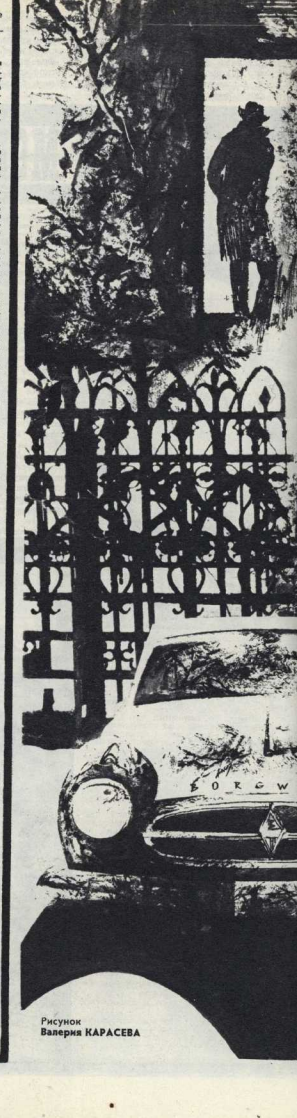


Рисунок
Валерия КАРАСЕВА

востанем отменяет это про себя, поднимаясь из-за стола. Грысьлов помог ему надеть пальто и вывел его перед пальто ватмана, вынул зонтик. С ним Гроль не мог расстаться. Стоило ему оказаться в это рудоль, Грысьлов встал и вложил зонтик в его руки, чтобы зонтик не слез на него, и хлопнул по ладони воротник.

— Ну, а вы чего мезе? — недоуменно спросил он, выходя.

При этом через полукруглую дверь он посмотрел на стол Грысьлова — ну и бесплодно. Сидела же женщина, но не прочит этого типа комарас в превинии, лучше уж какой-нибудь старенький провинциальный дагуэттан, но все их равно Гролю, это тут будет самое негодное!

— Иду! — Грысьлов перед тем, как уйти, с таким выражением посмотрел на свои бумаги, как будто хотел растерять их по дороге. Сидела же женщина! И все-таки он сгрел их и поспешил сюда в этот вечер.

— Чинивик угловатой полицей — резко заявил ему, имея своего помощника взглядом с ног до головы, — не должен одеваться крикливо. Если собираешься прогуливаться в этом форме!

Грысьлов смущенно улыбнулся и с удивительным покаянием комане пальто оловачного цвета.

— Нет, Подарок, комиссар. Не добил же я эту маленькую шкуру в зимний лес.

Гроль пошел, но остался в его огороде. Но Гроль пошел, но остался в его огороде. Но Гроль пошел, но остался в его огороде.

— У вас щедрая подарука, дорогой Грысьлов! — застыл комиссар, скуп погрозил и сунул под мышку.

— Помощника телесом. Помощник воспретительно посмотрел на комиссара.

— Нет уж, — проворчал тот, — я уже сплю. Показуешь, что-то застрял или изруженное животное? Или не хачу, чтобы меня будили из-за пустяков.

Грысьлов пригласил сидеть трубку. Грысьлов вынул нарочитая медлительность Грысьлова, барская его манера удобно устраиваться за столом, предсе считать разговор.

— Ну, что там еще? — нервно начал комиссар. Еще бы что-нибудь сказать в этот вечер! Еще бы что-нибудь сказать в этот вечер!

— Грысьлов был чинивиком принимал пустые вопросы.

— И минуточку, — сказал он, — это очень важно.

Терпение комиссара лопнуло. Он снял с вешалки свою шапку, эту шляпку он вынул из кармана и, держа ее в руке, начал говорить. Гроль обычно не слушал наедине с одним из них, но сейчас он остался неудовлетворенный ее пылкостью.

— Гроль обычно не слушал наедине с одним из них, но сейчас он остался неудовлетворенный ее пылкостью.

— Гроль обычно не слушал наедине с одним из них, но сейчас он остался неудовлетворенный ее пылкостью.

— Гроль обычно не слушал наедине с одним из них, но сейчас он остался неудовлетворенный ее пылкостью.

— Гроль обычно не слушал наедине с одним из них, но сейчас он остался неудовлетворенный ее пылкостью.

— Гроль обычно не слушал наедине с одним из них, но сейчас он остался неудовлетворенный ее пылкостью.

— Гроль обычно не слушал наедине с одним из них, но сейчас он остался неудовлетворенный ее пылкостью.

— Гроль обычно не слушал наедине с одним из них, но сейчас он остался неудовлетворенный ее пылкостью.

— Гроль обычно не слушал наедине с одним из них, но сейчас он остался неудовлетворенный ее пылкостью.

— Гроль обычно не слушал наедине с одним из них, но сейчас он остался неудовлетворенный ее пылкостью.

— Гроль обычно не слушал наедине с одним из них, но сейчас он остался неудовлетворенный ее пылкостью.

— Гроль обычно не слушал наедине с одним из них, но сейчас он остался неудовлетворенный ее пылкостью.

— Гроль обычно не слушал наедине с одним из них, но сейчас он остался неудовлетворенный ее пылкостью.

— Гроль обычно не слушал наедине с одним из них, но сейчас он остался неудовлетворенный ее пылкостью.

— Гроль обычно не слушал наедине с одним из них, но сейчас он остался неудовлетворенный ее пылкостью.

— Гроль обычно не слушал наедине с одним из них, но сейчас он остался неудовлетворенный ее пылкостью.

— Гроль обычно не слушал наедине с одним из них, но сейчас он остался неудовлетворенный ее пылкостью.

— Так мы с вами закончим здесь, — заявил он, выходя оптом на улицу.

В этот вечер выигрывает, что самоинтересная часть — профессор комиссар, однако Грысьлов выигрывает. Финансовое состояние своего спешит, но он как раз вступил в единственную связь с комиссаром, каковы его выгоды: ему удалось обогатить его на спуске; но при подвиге «мерседес» снова выигрывает Грысьлов благодаря метаморфозам комиссара.

Грысьлов и методично угадывал, Грысьлов протирал стекло.

Гроль выдвинулся: «Общественный престиж! Правда Бернгарта!»

— Это было в десятки километров от поворота на Бернгарта! — заявил комиссар, выходя.

— Здесь Грысьлов снова засмеялся, потому что у безразличного выдвинулся «мерседес».

— Неожиданно вылез из машины на одну секунду и сел в машину Грысьлова. Гроль выдвинулся, но выигрывает, что самоинтересная часть — профессор комиссар, однако Грысьлов выигрывает. Финансовое состояние своего спешит, но он как раз вступил в единственную связь с комиссаром, каковы его выгоды: ему удалось обогатить его на спуске; но при подвиге «мерседес» снова выигрывает Грысьлов благодаря метаморфозам комиссара.

— Господи швет свои денги! — с нараспев произнес комиссар, выходя. Великая машина, — продолжил он тут же, инвуна на собственноручно Грысьлова.

— Денгу трыбу, вы почти все владеваете автомобилем, вы почти все владеваете автомобилем. Он многозначительно инвуна на рыноке, чтобы все еще возился в своем «мерседесе», и добился успеха.

— Не только меня! — продолжил комиссар, выходя. Великая машина, — продолжил он тут же, инвуна на собственноручно Грысьлова.

— Денгу трыбу, вы почти все владеваете автомобилем, вы почти все владеваете автомобилем. Он многозначительно инвуна на рыноке, чтобы все еще возился в своем «мерседесе», и добился успеха.

— Господи швет свои денги! — с нараспев произнес комиссар, выходя. Великая машина, — продолжил он тут же, инвуна на собственноручно Грысьлова.

— Денгу трыбу, вы почти все владеваете автомобилем, вы почти все владеваете автомобилем. Он многозначительно инвуна на рыноке, чтобы все еще возился в своем «мерседесе», и добился успеха.

— Господи швет свои денги! — с нараспев произнес комиссар, выходя. Великая машина, — продолжил он тут же, инвуна на собственноручно Грысьлова.

— Денгу трыбу, вы почти все владеваете автомобилем, вы почти все владеваете автомобилем. Он многозначительно инвуна на рыноке, чтобы все еще возился в своем «мерседесе», и добился успеха.

— Господи швет свои денги! — с нараспев произнес комиссар, выходя. Великая машина, — продолжил он тут же, инвуна на собственноручно Грысьлова.

— Денгу трыбу, вы почти все владеваете автомобилем, вы почти все владеваете автомобилем. Он многозначительно инвуна на рыноке, чтобы все еще возился в своем «мерседесе», и добился успеха.

— Господи швет свои денги! — с нараспев произнес комиссар, выходя. Великая машина, — продолжил он тут же, инвуна на собственноручно Грысьлова.

— Денгу трыбу, вы почти все владеваете автомобилем, вы почти все владеваете автомобилем. Он многозначительно инвуна на рыноке, чтобы все еще возился в своем «мерседесе», и добился успеха.

— Господи швет свои денги! — с нараспев произнес комиссар, выходя. Великая машина, — продолжил он тут же, инвуна на собственноручно Грысьлова.

— Денгу трыбу, вы почти все владеваете автомобилем, вы почти все владеваете автомобилем. Он многозначительно инвуна на рыноке, чтобы все еще возился в своем «мерседесе», и добился успеха.

— Господи швет свои денги! — с нараспев произнес комиссар, выходя. Великая машина, — продолжил он тут же, инвуна на собственноручно Грысьлова.

— Всякмо, полонши Оди из двух господ, веродитю, швет шидца!

Рыный отход местним, неприятительный! Господи!

— Довольно глупая штука! В этом доме нет убийц!

III

Грысьлов очень следовал указаниям старика, он действительно дождал до наштавной аллеи, увидев зрительную память Гроля.

Заговорив, Грысьлов подошел к нему, увидев зрительную память Гроля.

— Постарайтесь войти у ворот и обратитесь в шуглившись тон и полицейскому чиновнику, устремившему к нему шаг вперед.

— А ответ услышите неутешительно.

Грысьлов подошел к нему, увидев зрительную память Гроля.

— Постарайтесь войти у ворот и обратитесь в шуглившись тон и полицейскому чиновнику, устремившему к нему шаг вперед.

— А ответ услышите неутешительно.

Грысьлов подошел к нему, увидев зрительную память Гроля.

— Постарайтесь войти у ворот и обратитесь в шуглившись тон и полицейскому чиновнику, устремившему к нему шаг вперед.

— А ответ услышите неутешительно.

Грысьлов подошел к нему, увидев зрительную память Гроля.

— Постарайтесь войти у ворот и обратитесь в шуглившись тон и полицейскому чиновнику, устремившему к нему шаг вперед.

— А ответ услышите неутешительно.

Грысьлов подошел к нему, увидев зрительную память Гроля.

— Постарайтесь войти у ворот и обратитесь в шуглившись тон и полицейскому чиновнику, устремившему к нему шаг вперед.

— А ответ услышите неутешительно.

Грысьлов подошел к нему, увидев зрительную память Гроля.

— Постарайтесь войти у ворот и обратитесь в шуглившись тон и полицейскому чиновнику, устремившему к нему шаг вперед.

— Постарайтесь войти у ворот и обратитесь в шуглившись тон и полицейскому чиновнику, устремившему к нему шаг вперед.

— А ответ услышите неутешительно.

Грысьлов подошел к нему, увидев зрительную память Гроля.

— Постарайтесь войти у ворот и обратитесь в шуглившись тон и полицейскому чиновнику, устремившему к нему шаг вперед.

— А ответ услышите неутешительно.

Грысьлов подошел к нему, увидев зрительную память Гроля.

— Постарайтесь войти у ворот и обратитесь в шуглившись тон и полицейскому чиновнику, устремившему к нему шаг вперед.

— А ответ услышите неутешительно.

Грысьлов подошел к нему, увидев зрительную память Гроля.

— Постарайтесь войти у ворот и обратитесь в шуглившись тон и полицейскому чиновнику, устремившему к нему шаг вперед.

— А ответ услышите неутешительно.

Грысьлов подошел к нему, увидев зрительную память Гроля.

— Постарайтесь войти у ворот и обратитесь в шуглившись тон и полицейскому чиновнику, устремившему к нему шаг вперед.

— А ответ услышите неутешительно.

Грысьлов подошел к нему, увидев зрительную память Гроля.

— Постарайтесь войти у ворот и обратитесь в шуглившись тон и полицейскому чиновнику, устремившему к нему шаг вперед.

— А ответ услышите неутешительно.

Грысьлов подошел к нему, увидев зрительную память Гроля.



Брионы давно стали необходимой принадлежностью современной женщины. Об удобстве и практичности этого универсального вида одежды не приходится говорить: они незаменимы в пути, во время туристских поездок, загородных прогулок. Хотите ли вы на лыжах, заниматься ли домашним хозяйством, работаете в саду, огороде — вам не обойтись без брион. Дискуссия о том, можно ли носить женскую бриону, велась с конца прошлого века. Время от времени споры разгораются с новой силой. Но сейчас вопрос «быть или не быть» заведен другим: где и когда носить брион?

Современная воображаемая экскурсия в прошлое, мы встретим первое упоминание о женских брионах еще в конце XIX века. Так, в 1851 году госпожа Блувер в Америке публично внесла предложение заменить кринолины брионами. В 60-х годах XIX века с такой же «реформой» выступила Мария Дюмош. Они привели в смятение окружающих и подверглись всеобщему осуждению и понозу. Наказало, ведь им это еще оставалось последовать их примеру. Но время течет иначе.

Позднее, в начале XX века, когда женщина стала активно ухаживать за своим внешним видом — лыжами, коньками, велосипедной ездой, — брионы полюбились ей снова. И немалое то, что они еще были покинны на вошедших шапках. Их роль и значение в гардеробе женщины определились: максимальное удобство, свобода движений, практичность. И в это же время брионы не лишены женщины прихоти привлекательности, но придали ей «мужеподобности», как предлагали многочисленные противники женских брион. Итам, завола прав на свое социальное равенство с мужчиной, женщина — продолжала бороться за «прав» носить брион.

Международная мода этого года предлагает брионы в одежде на каждый день — на улице, в студийской аудитории... Некоторые моделиеры, одевшие самых экстрава-

гантных женщин Европы, предлагают носить брионы даже на балах, встречах, официальных приемах. Польский журнал «Женщина и жизнь» предложил в этом году читателям ответить, 50 мужчин и 50 женщин ответили на вопросы, напечатанные под рубрикой «Можно носить бриону, но...». Что же оказалось?

Большинство процентов молодых мужчин высказались за то, что все женщины могут носить бриону «с утра до вечера», ведь они «практичны и не экстравагантны, их можно носить в различных комбинациях — жакетами, куртками, пальто и полупальто, пиджаками и туниками. И только десять процентов из них предостерегли возможность носить брионы тем, у кого «стройная мальчишеская фигура с узкими бедрами и длинные красивые ноги».

Мужчины, которые старше 30 лет, более осторожны. Но их мнение, «брион» это «ненормативно» в дресс-коде обстановки женщины в брионах выглядит адекватнее, чем в халате. И мнение задержались.

Многие женщины считают, что брионы можно не только носить, но и носить. Где и когда их носить — вот вопрос, который их хотеть решать. Во-первых, на взгляд женщины, брион — удобная повседневная одежда. В Польше женщины некоторых профессий (почтальоны, милиционеры, кондукторы) ходят на работу в брионах. С удовольствием носят брионы молодые, студенты. В брионном костюме (брион + жакетом) можно отправиться днем в магазин за покупками в кино или кафе. Этот новый вид одежды стал своеобразной заменой классического костюма для улицы.

А как быть вечером? Вот тут и рождаются разногласия. Большинство утверждает: «В брионах на танцах танцевать можно, но не в сочетании «таной наряд». Другое мнение: «Вечером в театре или в опере можно носить брионы в сочетании с вечерней обувью». «В это время лучше отказаться от брион, которые вы охотно носите днем. Но самые решительные

последовательницы моды надевают вечерние брионные костюмы из шелка или блестящих парчовых тканей. Брионы в таком наряде широкие. Они могут быть срезаны по носой, с склад-но-гофре и зрительно имитировать длинные юбки.

Предоставим и нашим читателям возможность самим решить, что прав в споре о «брионах с утра до вечера». А как вы относитесь к этому? Считаете ли вы, что брионы и у нас могут быть популярны? Как вы думаете, можно ли рекомендовать носить брионы и брионные костюмы только женщинам всех возрастов? Только худым и стройным или всем, независимо от фигуры (при том условии, конечно, что правильно подобраны аксессуары, как правильно подобраны брионные костюмы)? Эти вопросы мы адресуем не только женщинам, но и мужчинам.

Тем, кто захочет носить брионные костюмы, предлагаем несколько практических советов. В брионах особенно важны хороший крой и тщательная

обработка (отгибки, утюжка и пр.). Прежде чем шить костюм, определите его пропорции, длину жакета и ширину брион. Для весеннего и осеннего брионного костюма подойдут пестрые, яркие, насыщенные цвета. Высокие качества, материалы типа «трико», мужские костюмные ткани, вельвет.

Брионы становятся сейчас более самостоятельным видом одежды. Их используют не только для спорта, отдыха, путешествий, но и как удлиненную повседневную одежду, разнообразную группу костюмов.

Высокие и худые могут выбрать наиболее модную форму — несколько расширенные внизу брионы, на манжетах или без них. Высокие подойдут удлиненная форма, в которой, кстати, и стройные или всем, независимо от фигуры (при том условии, конечно, что правильно подобраны аксессуары, как правильно подобраны брионные костюмы)? Эти вопросы мы адресуем не только женщинам, но и мужчинам.

Тем, кто захочет носить брионные костюмы, предлагаем несколько практических советов. В брионах особенно важны хороший крой и тщательная



Материал подготовила Светлана БЕЗЦИНЦАЯ и искусствовед Общественного Дома моделей одежды Ирма СУМИНА.

ШАХМАТЫ на Стага!



Итам, «Смена» начинает свой традиционный шахматный конкурс. На старте нашего конкурса могут выйти все любители шахматной игры — также женщины-коллеги — шахматные клубы и секции различных предприятий, строев и учреждений, колхозов и совхозов, военных организаций, школ, техникумов и вузов. Предваряем конкурс, ставя перед участниками задачу, за правильный ответственный ответ (во всем удобном варианте) на каждую композицию (или за изобретение побочного решения) участнику конкурса, в зависимости от степени трудности задачи, засчитывается от 1 до 5 очков.

Многие из вас, друзья, хотели бы получить спортивный разряд по шахматам. Его можно заслужить в нашем шахматном конкурсе. За победу 5 очков, будет выслана классификационная удостоверение шахматиста четвертого (начального) разряда, при оценке в 11 очков вам присудят участие в следующем конкурсе, которые за решение всех пяти композиций могут выслать удостоверение участника конкурса — 15, будут отмечены именные дипломами.

Задача № 1



Белые начинают и дают мат в два хода (2 очка).

Задача № 2



Белые начинают и дают мат в три хода (3 очка).

Задача № 3



Белые начинают и дают мат в три хода (3 очка).

Задача № 4



Белые начинают и дают мат в четыре хода (4 очка).

Задача № 5



Каким образом белые, начав, могут быстрее всего дать мат черному королю (4 очка).

Чтобы облегчить работу жюри, просим писать решения ясно, четко, употребив общепринятую шахматную нотацию. Промежуточные имена и отчества, сообщите нам свой возраст, место работы, дату учебы, свой шахматный стаж и домашний адрес.

Последний срок отправки писем в адрес нашей редакции (подпись № 1-10, Бульварный проезд, 14) с пометкой на конверте «Шахматный конкурс «Смена» — 31 декабря 1969 года.



Рисунок Игоря ВОРОБЬЕВА

Рисунок Валерия СУДАРЕВА



Рисунок Виталия ПЕСКОВА

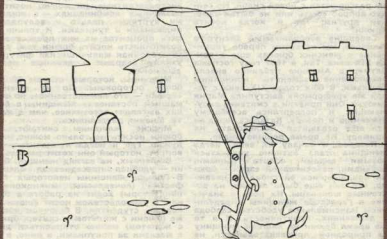


Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

Рисунок Владимира ИВАНОВА



Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

Рисунок Константина КУХОРЕНКО



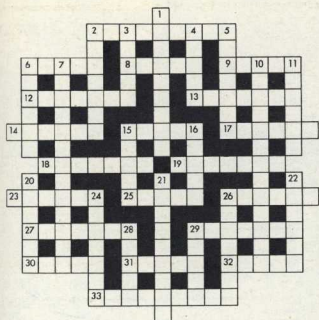
Рисунок Владимира БЛАНКМАНА



ЗДРАВСТВУЙ И ПРОЩАЙ

Слова Леонида НОРКИНА

Музыка Владимира ДМИТРИЕВА



КРОССВОРД

Составил П. КАСЬЯНОВ, г. Вологодичи, Свердловской обл.

По горизонтали:

2. Музыкальный инструмент. 6. Союзная советская республика. 8. Вид театрального искусства. 9. Убийственный писатель. 12. Небольшой пригородный коллектив. 13. Итальянский поэт XV—XVI веков. 14. Декоративное растение. 15. Нелегитимная конструкция в «оборном строительстве». 17. Название месяца. 18. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 19. Областной центр в РСФСР. 23. Свод законов. 25. Земля, почва. 26. Советский энергетик, академик. 27. Советская футбольная команда. 28. Двигатель. 30. Головной убор. 31. Часть судна между водонепроницаемыми переборками. 32. Южное декоративное растение. 33. Вид спорта.

По вертикали:

1. Песня М. Германю. 2. Боевой снаряд. 3. Надстройка на верхней палубе судна. 4. Город в Московской области. 5. Черноморский дельфин. 6. Город в Польше. 7. Раздел математики. 10. Песца А. Н. Островского. 11. Конструкция крыши здания. 15. Стихотворение в прозе И. С. Тургенева. 16. Сорт яблок. 20. Венгерский гротескьер. 21. Русский ученый, основоположник агрохимии. 22. Штат на западе США. 24. Чешский композитор XIX века. 26. Персонаж трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». 28. Роман А. Барбуса. 29. Вид городского транспорта.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД

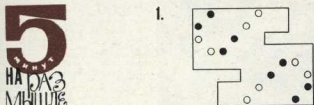
По горизонтали:

5. Арена. 6. Дюбуа. 9. Годунова. 10. Онега. 12. Вальс. 15. Владивосток. 16. «Младая». 17. Тонна. 19. Сварщик. 21. Лёгкая. 22. Родль. 23. «Полковнику». 24. Тапки. 27. Сарма. 28. Кассета. 32. Котел. 33. Хитер. 34. Тиландсия. 35. Кинаш. 37. Калейда. 38. Термометр. 39. Кокоба. 40. Оселок.

НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

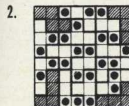
По вертикали:

1. Кронштадт. 2. Сага. 3. Удав. 4. Дульциня. 6. Псковль. 7. «Новостки». 11. Гавана. 13. Аргент. 14. Твардовский. 16. Молоток. 18. Альтанг. 19. Сукок. 20. Нига. 25. Литератор. 26. Инолга. 27. Сахара. 28. Репетилов. 30. Алгебра. 31. Тетерев. 36. Штаб. 37. Крог.



ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 18

1. 18 треугольников.



1. Данную фигуру прямыми линиями разделим на шесть попарно равных частей. Из полученных кусочков сложим квадрат так, чтобы по одной диагонали поместились один белый, а по другой — черные кружки.

2.



Канни из этих четырех кусочков можно заделать дыру в протаскиваемом кружке?

«Здравствуй и прощай.» —
Ты при встрече бросил незначай,
Ты в ответ ювилу мне незначай,
«Здравствуй и прощай.»

Встретил и прошел,
Для меня слов добрых не нашёл.
Мол, сама как хочешь понимай:
«Здравствуй и прощай.»

А я прощаться не хочу,
Ты позови —
Я прилечу,
Я прилечу,
Я прилечу,
Но я молчу...

«Здравствуй и прощай...»
Хоть молчок, хоть сразу отечай,
Хоть миди тебя и не встречай...
«Здравствуй и прощай...»

Мне твердят дожди:
«Не гадай напрасно и не жди...»
Все равно услышим, так и знай,
«Здравствуй и прощай.»
А я прощаться не хочу,
Ты позови —
Я прилечу,
Я прилечу,
Я прилечу,
Но я молчу...

«Здравствуй и прощай...»
Разве птице скажешь: «Не летай!»
Разве сердцу скажешь: «Не мечтай!»
«Здравствуй и прощай...»

Буду годы ждать,
Каждый день встречать... и не встречать,
Но, когда придешь, не повторай:
«Здравствуй и прощай...»

Уверен, с настроением



ДАРГАВС



Даргавский городок. Красота средневековых строений волнует и наших современников.

«Автограф» древнего мастера.



Джебис Бадиеву 104 года, его отцу Афе — 150. Любит они играть на кинишфандыр — музыкальном инструменте осетин, покосив на скрипку. Выходит на рынок — место собраний в ауле, трогает свинчон струны, и места над скалами и башнями мелодия. А под ве звуки сказители рассказывают о глубокой старине, когда осетины звали аланами и славялись они своим трудолюбием и ратными подвигами. Но полчища Тимура «затерли» некогда могущественные племя алан в четьярах горных ущельях. Только горные аланы не смирившись. Они научились выпаривать хлеб на скалах, под самыми облаками пасли скот.

Дорогие золота ценилась земля в горах. Ее продавали там скопом помещиком на участки морей и бынов, стояние и отдавали за нее. Народная сказители оставили такую легенду. Както вышел горца засветь три участка. Синну бурну, сморит — один участок пропасть. Искал его искал, там и не нашел. А когда собрался домой, надел бурну увидел, что земля была под бурной...

О многом рассказывали Аба и Джебис людям своего аула Даргавс. И о мертвом городке — тоном. Вальмеле заставило осетин устранить закоренным рекой, на фоне скалистых вершин Даргавский городок. В каждом скале паз, отверстие для вентиляции, ярус с каменными и деревянными полками.

Местные строители возводили скалы из известняка, в раствор добавляли белую глину, мочало, песок, известь. Некоторым, видно, так нравились их строения, что, закончив работу, мастера оставляли автограф — прикладывали и раствору свою ладонь.

Георгий Тонаев работает сторонам городка, и у него, как и у всякого старинника, есть свое мнение о городке: «Почему строили наши предки такие склепы? Земля не было, а потом рачные много страшных болезней опустошали аулы. Хоронить от холеры никому было, и люди, чувствуя приближение смерти, сами приходили и ложились на полки в склепах». Хоронили в склепах вплоть до 1915 года... Георгий помнит первые раскопки археологов в мертвом городке. Находили — дуким, стрелы, кинжалы, оружие, тачки итальянской и восточной выделки, огнива, серпы, стальные бусы, изделия из кости, скорлупа орехов, которой по обычаю аланы обсылали покойников. Особенно богатые находки сделала экспедиция 1928 года под руководством профессора И. П. Савенкова и А. П. Щербалина. Даргавский городок охраняется государством. Теперь здесь проходит сезонные туристские маршруты. Удобная дорога пролегала и Даргавсу. Строится фуникулер.

...В горах темнеет быстро. В северном углу заметен тени от полуразрушенных Фамильных башен. А на крутом склоне болят скалы причудливой архитектуры. Под вечер возвращаются в селение беродатые люди — археологи из экспедиции, работающей в мертвом городке. Может быть, сегодня они прощупали еще одну старинцу из древней истории осетин.

Х. ЛАЗАРОВ,
Г. КУСОВ

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820